

Евгения Минаева

КОРОЛЬ СЕВЕРА

- ИЗМЕНА -

18+

Евгения Минаева
Король Севера. Измена
Серия «Король Севера», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44783077

SelfPub; 2023

Аннотация

Четыре столетия в королевстве царили мир и покой. Но умер правитель, завещав трон племяннику Моэралю, вместо родного сына Линеля. Между претендентами на престол разгорается нешуточная борьба. Кому достанется власть: тому, кто предаст любовь ради короны, или его антиподу, слушающему голос не разума, но сердца? В схватку вовлекаются другие люди, чьи мысли и жизни весьма далеки от сражений. Стучат жернова войны, перемалывая судьбы.

Содержание

Последний день междоусобной войны	5
Кантор. 351 год правления новой династии	14
Сильвхолл. 354 год правления новой династии	21
Вантарра. 359 год правления новой династии	22
Линель	26
Фадрик	46
Вардис	57
Моэраль	70
Рейна	90
Фадрик	99
Линель	123
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Евгения Минаева

Король Севера. Измена

Все в мире подчинено любви.

Любви людей к людям:

мужчины к женщине и женщины к мужчине;
любви родителей к детям и детей к родителям.

Любви к деньгам.

К власти.

К себе.

Любовь многообразна и неповторима.

Жалко, что приходится выбирать.

/Автор/

Последний день междоусобной войны

Сегодня или никогда.

Роллан Холдстейн прищурившись смотрел на солнце. Светило висело выше линии горизонта громадным слепящим шаром. От жары по лицу Роллана тек пот, хотелось пить. Однако имелись дела важнее жары и жажды.

Алько Кантор искоса взглянул на сюзерена. Роллан лично вел войска в бой, игнорируя советы оставаться в стороне. Алько заменил бы господина на поле битвы, но Холдстейн не просил. Видно, думал, что смерть про него позабыла.

В серебряном замке шел бой. Люди Роллана докладывали: Харрас Ирвинделл преодолел стены с огромными потерями. Его армия слаба. А войска засевшего внутри Карве никогда сильными не были.

Замысел Холдстейна выглядел простым. Пока два самозванных королька грызутся за трон, он входит в город и подчиняет его себе. Воплощение плана началось две недели назад. Солдаты Роллана под видом беженцев малыми группами проникали в Сильвхолл. Оседали в бедняцких кварталах, где никому ни до кого нет дела, а значит, можно долго оставаться незамеченными. Ждали момента, когда Ирвинделл пору-

шит оборону замка.

Дождались.

– Вперед. И Вудэка вспоможение да будет с нами!

Вестовые приложили ладони к груди в символическом жесте молитвы, и хитросплетенье тесных улиц поглотило их.

– Идем. Не утерплю зал тронный видеть.

Вдалеке послышался взрыв, и столб белой пыли поднялся в воздух. Практически сразу же грохнуло еще раз.

– Стена! Стена падает!!! – завопили с крыши ближайшего дома. – Паскуды дети, мин наделали!!!

Дикий треск сопровождал слова. Роллан, опустив взгляд, увидел, как дивной красоты замок, зависший над городом... нет, не содрогнулся, но будто на миг пошел рябью. Словно был не строением из камня, а отражением в воде. А затем угловая башня покачнулась, начав рассыпаться прямо на глазах. С валунами, песком, досками и обломками черепицы вниз полетели люди. Расстояние до башни было приличное, но Роллан видел одежду солдат. Светло-зеленые котты. Гибли солдаты Карве.

К прозрачно-голубому небу взметнулся черно-серебряный стяг. Чуть ниже поднялось второе знамя – с синей птицей. Орел. Знамя Холдстейнов.

Только Роллан решил: сев на трон он больше не будет Холдстейном. Он возьмет другое имя. По названию серебряного города – Сильвхолла – новая династия королей назовется Сильвбернами. И знамя они выберут соответствующее –

черное с серебром.

Среди великого множества криков пронзительно проревел рог. Войска Холдстейна обнаружили себя, атакуя с трех сторон. Роллан оскалился, вытащил меч и побежал. Солдат из охраны попробовал сунуться вперед, но Холдстейн оттолкнул его. Нетерпение, смешанное с предвкушением битвы, разгоралось пожаром в крови.

Рядом бежал Райолк. Роллан повернулся, ухмыляясь, глядя на младшего сына. Подумал: в конце дня Райолк станет лордом-наместником и младшим сыном короля. Если, конечно, старший – тяжело раненый Норигэль – выживет.

Роллану было интересно, что думает младший сын о возможной смерти старшего? Радуетса ей, предвкушая вес короны на голове? Или Роллан Холдстейн правильно воспитал детей, и слова «братская любовь» для них не пустой звук?

Возглавляемый Ролланом отряд выбежал на площадь возле храма. Пять статуй богов смотрели на вооруженных людей с одинаковым безразличием. Илериин, Аэлиннэ и Тармею следовало выглядеть добрыми, Вудэку – суровым, а Кэссопу – строгим. Но камень оставался просто камнем без всяких признаков чувств.

Замок впереди лежал жемчужиной в раковине. Большой ухоженный сад окружал его, и Роллан с болью подумал, что главная краса Сильвхолла станет и главной причиной его падения. Солдатам ничего не стоило подобраться прямо к стенам, скрываясь под кронами деревьев.

Везде сновали люди. Большинство – воины Холдстейна – носили неприметную коричневую или серую одежду. На пострадавших от взрыва стенах сражались обладатели светло-зеленых котт. Людей Ирвинделла видно не было.

Вывороченные ворота валялись по обе стороны надвратной башни. Светло-серый камень стен местами почернел от копоти. В проеме толпились люди, раздавленные в стороны при виде Роллана.

– Во славу власти истинной! Вперед!!! – закричал Холдстейн и первым бросился исполнять приказ.

Горстка вражеских солдат сгрудилась сразу за воротами. Падая один за другим, они не отступали и не давали себя окружить, но с приходом Роллана все изменилось. Кончик меча поймал блеск солнца, тут же померкнувший от плеснувшей крови.

– За мной!!!

Двор заполняли люди Холдстейна. Ворота в огромный, подавляющий размерами донжон, прогибались под ударами тарана. Из небольшой башенки над воротами высывалась рогатина. Управлявшие ею пытались остановить таран, но державшие гладкий ствол солдаты избегали ловушки. Сгрудившиеся посреди двора лучники осыпали защитников башни стрелами. С каждым залпом противников становилось все меньше.

Громко, пронзительно затрубил рог, приказывая поторопиться, и ворота потряс последний мощный удар. Толстые

доски сначала треснули, по-женски застонав, а затем выгнулись и сложились пополам. В образовавшиеся дыры тут же полезли солдаты, орудуя секирами и мечами. Райолк схватил отца за руку.

– Отче, не торопись.

– Без меня тогда покончат! – рыкнул Роллан и побежал еще быстрее.

Внутренний двор донжона потонул в месиве битвы. Влепившийся прямо в гущу драки Холдстейн едва не получил удар в лицо, но Алько Кантор оказался быстрее вражеского воина. Горячая кровь брызнула во все стороны, попала Роллану в глаза.

– А-А-А!!! Вудэээээк!!! – закричал Холдстейн, отражая вторую атаку. – За богов! За север! За истинного короля!!!

Все перемешалось. В тесном внутреннем дворе, вмещавшем не больше двух сотен человек, столкнулись интересы трех претендентов на престол. Вассалы Ирвинделлов убивали солдат Карве, солдаты Карве – Ирвинделлов, Холдстейны резали и тех, и других, и сами падали под чужими ударами. Роллан, работая мечом как на ристалище, прорубался к дальнему краю двора, где под защитой немногих оставшихся вассалов бился Рияр Карве.

– Карве! Карве, я пришел!!!

Голова в шлеме с золотисто-рыжим плюмажем повернулась. Рияр Карве растолкал своих защитников и, подняв меч, пошел к Роллану.

Они сошлись на небольшом свободном пятачке, будто специально для них появившемся в каше схватки.

– Ты умрешь, – сказал Роллан.

Рияр пожал плечами и атаковал. Он был неплох и часто побеждал на турнирах, но Роллан был старше и опытнее. Вместо того, чтобы парировать удар, Холдстейн поднырнул под руку соперника, вгоняя лезвие меча в стык пластин на доспехе – прямо в подмышку. Среди шума схватки никто не услышал ни скрежета металла по металлу, ни треска плоти и костей.

Рияр пошатнулся и упал, кровь хлынула изо рта. Юные светло-голубые глаза остались удивленными.

– Вои! Господин ваш мертв! Оружие в ножны!

Люди сначала не послушались: не из-за отчаянной верности павшему сюзерену, просто не сразу услышали приказ. Не сразу осознали неприятную истину: служить больше некому. Но вот копья, палицы, мечи и секиры стали опускаться. До тех пор, пока во дворе не осталось вооруженных вассалов Карве.

– Свяжите их, да закройте в погребах, – приказал Роллан одному из отрядов. – Только в пустых, не то все запасы пожрут. Остальные – за мной!

Харрас Ирвинделл, к приходу Холдстейна захвативший половину замка, сидел на троне в тронном зале. Слушал звуки боя и осознавал, что проиграл. Займи он дворец чуть раньше... нет, Ирвинделл не был дураком и понимал: ему не

победить в любом случае. Большая часть лордов пошла за Холдстейном. Роллан пользуется большей поддержкой, его армия сильнее. Пока Харрас сидит и думает, солдаты Роллана вырезают каждого, кто оказывает им сопротивление. Еще четверть часа, и сам Холдстейн подойдет к дверям тронного зала.

Ирвинделл поднял взгляд. В главном зале Сильвхолла он впервые оказался восьмилетним мальчишкой. С тех пор прошел сорок один год, но Харрас не забыл, с каким восторгом глядел на пышное убранство обители королей. Он стоял у дальней колонны, разглядывал прожилки желтого мрамора в ее основании, поднимал голову к потолку с лепкой и росписями, опускал глаза долу, разбирая причудливый узор плиток пола. Сорок с лишним лет назад высокие – от пола до потолка – окна закрывали алые гардины. Широкие серебряные ленты с кистями на концах перетягивали их на высоте человеческого роста, через идеальной чистоты стекла в зал проникал солнечный свет. В его лучах искрилось развешенное по стенам оружие, сверкали начищенные латы, для красоты расставленные по углам.

За минувшие десятилетия в зале поменялось многое. Оружие и латы убрали, алые гардины уступили место изумрудно-зеленым. Но для Харраса зал оставался прежним. И он, как и сорок один год назад, разглядывал его с восторгом первооткрывателя. И – как и сорок один год назад – мечтал, как станет королем.

И все же, в сорок девять лет обманываться зорно.

Ирвинделл тяжело вздохнул, слез с трона, в последний раз проведя по золоченым резным подлокотникам ладонью. Прошел к двустворчатым дверям, и сгрудившиеся рядом воины слышали отданный хриплым голосом приказ:

– Откройте. И передайте всем: с Холдстейном больше не бьемся.

Когда Роллан вошел в тронный зал, Харрас стоял у дальнего окна, на наибольшем из возможных расстояний до трона.

– Сдаешься?

– Мнится мне, сие разумеется, лорд Холдстейн. Ваше величество.

Узкие губы Роллана дрогнули в улыбке.

– Жизнь думаешь от меня поберечь?

– Так разумею. На верность присягаю. Помысли, есть ли резон каждого извести, кто против встал? То половина лордов королевства! Напомню, кроме того: один раз наши вои сошлись, немногих тогда похоронили. Я задачу тебе облегчил, истребив сторонников Карве. Я Увэ первым атаковал – ты добил. Выходит, я скорее помог, чем вред принес.

Холдстейн расхохотался. Ирвинделл выждал несколько секунд и рассмеялся следом. Отсмеявшись лорды вытерли мокрые от слез глаза.

– Хитрец ты, Харрас, – промолвил Роллан. – Но прав. И уважаю: не у многих, чья задница воссела на троне, сил хва-

тит поражение принять.

Ирвинделл пожал плечами:

– Зада на троне для правления маловато. Понимай то умерший король, многих бед бы избегли.

– Я исправлю сие, Харрас, – пообещал Холдстейн. – Сделаю все возможное, чтобы междоусобных войн не было, – и усмехнулся. – Чтобы этот трон зрел лишь достойные зады.

Ирвинделл промолчал. Он думал, что лишняя самоуверенность еще никому не приносила добра. И что терпение всегда окупается.

Даже по прошествии столетий.

Кантор. 351 год правления новой династии

Волки были.

Тоскливая песня – сопровождение негромкой молитве жриц – неслась над заснеженными холмами, проникая за плотно закрытые двери святилища.

– Аэлинне, мать рода человеческого, жизнедательница, жизнедарительница...

Кадили в полутьме факелы, тяжелый аромат благовоний витал в воздухе, теплом и сухом. Иша лежала на горячем камне, чувствуя обнаженной спиной и ягодицами его жар, все неровности и шероховатости. Тени прислужниц плясали вокруг алтаря.

– Ты, о вечно плодом тяжелеющая, обрати очи на молящих тебя. Поделись тайной зачатия, и семя человеческое да не пропадет втуне.

Обрядное масло густой лужей расплзлось по Ишиному животу, ее веки крепко смежились, пальцы сжались в кулаки. Женщина тихо взмолилась:

– Помоги мне, помоги, мать вечная...

Песня жриц перешла в шепот. Мигнул, зашипел и погас один из факелов, колыхнулись занавеси, отделившие алтарь

от молитвенной залы – прислужницы удалялись.

Влажные ладони легли на грудь Иши.

– Ну что, любимая, готова?

– Да, как и много раз до этого, – вздохнула Иша, притягивая к себе мужа.

Элисьер скинул одежду, и его тело накрыло жену.

Это был уже четвертый обряд за год и, наверное, сотый за все десять лет брака, так и не принесшего детей.

Раз... два... три... четыре... пять... шестой уже плохо заметен. Такой хороший камушек, кругов на воде могло быть и больше...

Элисьер, на корточках сидевший на берегу, тяжело вздохнул. Ладонь зашарила по песку в поисках другого камня – более плоского. Может, со вторым больше повезет...

Трудно отважиться на серьезный разговор. Труднее вдвойне, когда только притворяешься, что советуешься, а на самом деле все давно решил. И совсем плохо, когда знаешь: будет страдать любимый человек. Самый любимый, самый дорогой... ни в чем не повинный.

Боги! Зачем вы так поступаете со мной?!

Под руку, как назло, подворачивалась одна кривая мелочь. Элисьер сгреб ее в горсть, на вершине замаха ладонь разжалась, и камни полетели в пруд. Может, стоило сначала сделать, а потом сказать? Нет, жена никогда не простит.

До замка была какая-то тысяча шагов. Элисьер шел их

полчаса. Из конюшни приятно потянуло теплом. Зайти, что ль, буланого проверить? Нет. Мужчина на то и мужчина, чтобы делать, что решил... и сто раз не передумывать.

Она вышивала, сидя у огня. Когда муж вошел, лицо ее мигом осветилось улыбкой. Которая тут же погасла, едва женщина поняла настроение Элисьера. Один взмах руки, и служанки покинули комнату. Муж и жена остались одни.

– Все-то ты понимаешь, – сказал Элисьер.

Его плотная фигура приблизилась к камину, руки протянулись к огню.

– Я твоя жена. Мне положено все понимать.

– Значит, я напрасно тяну время, тяготясь разговора с тобой?

– Я вся во внимании, мой супруг.

Элисьер отвернулся от огня. При взгляде на жену он заметил, как исчезает из ее глаз непринужденность, уступая место настороженности. Выдерживать это было свыше сил человеческих, и он бухнул, проклиная себя:

– Это насчет моего наследника.

Ишины гордо развернутые плечи согнулись, будто придавленные тяжким грузом.

– Я говорила с сестрой, – глухо сказала она. – По слухам, в горах есть храм с целебным источником. Я думаю, надо поехать туда весной.

– Милая, – Элисьер покачал головой, – сколько было храмов, источников, молебнов? Сколько раз мы надеялись и

разочаровывались?

– Так чего ты хочешь? – женщина подняла глаза, взгляд ее стал жестким. – Предлагаешь смириться? Мне?! Смириться?! Ты хоть понимаешь, что такое жить пустоцветом, зная, что не оставишь потомка, мужу – наследника? Знать такое МНЕ!!!

– Иша, – мужчина обошел кресло жены, оказавшись напротив нее, – это не твое личное горе. Это наша общая беда. Но есть и другая проблема – мой брат. Он хочет кресло лорда-наместника, я знаю.

Женщина молчала, только крепко стиснутые в замок пальцы выдавали волнение. Элисьер продолжил:

– Я знаю, какие страдания причиняю этим разговором, но мне нужен наследник. Нельзя, чтобы ветвь моего рода прервалась, и лордами стали потомки брата.

– Я поняла тебя, – медленно проговорила Иша. – Вопрос о бесплодии не ставится в отношении лорда. Только его жены. Детей в нашем браке не могу иметь я. И раз так, ты хочешь отправить меня к родителям, а самому жениться второй раз.

– Нет. Я брал тебя в жены по любви и любить не перестал. Но я хочу иметь наследника. У одного из крестьян есть дочь. Она будет служить в замке. Молодая здоровая девушка, семья которой умеет молчать. Когда ребенок родится, все будут считать его твоим.

Иша обмерла. Чего больше было в ее душе в тот момент – ярости или изумления? Элисьер смотрел на жену, не отводя

взгляда. Он знал: отвернуться значит отступить.

– Да что ты говоришь? – зашипела она наконец. – Я приму в дом бастарда, назову его сыном, ублюдка – будущим лордом?! А что будет с моими детьми, Эльсьер, об этом ты подумал?

– Этих детей еще надо родить, милая.

– И я рожу!

– Иша, загляни в глаза правде! Мы женаты десять лет! Из них ты восемь молишься и лежишь, но наследника мне не дала! А мне тридцать пять! И я в любой момент могу отправиться к богам – я знаю Зивьена достаточно! Что будет с тобой, если он убьет меня?

Женщина покачала головой, горькие слезы полились по щекам.

Элисьер кинулся прочь, громкий хлопок дверью отметил его уход. Рыдания жены летели вослед.

Ее раздражало собственное отражение в воде. Бесила притворная тяжелая походка. И этот живот. Вот если б он был настоящим, тогда да... она бы радовалась тому, как он натягивает платье на талии, как растет, увеличиваясь день ото дня. Но это было обманом. Вся ее жизнь стала обманом, а счастье – хрустальным сосудом, разбитым о камни.

Решение мужа окончательно, это она поняла сразу же, но принять никак не могла. Долго не хотела верить, что бесполезно просить, умолять. Что единственное, чего можно до-

биться – обещание мужа: мать бастарда никогда не покажется леди Кантор на глаза. Ноги ее не будет в Зубце, пока хозяйка тут Иша!

Интересно, кого родит Элисьеру деревенская девка? Вот бы девочку... Хотя нет. Если будет дочь, Ише придется еще раз подкладывать подушку под платье – захваченный желанием иметь сына, муж не остановится ни перед чем. Значит, остается ждать и молиться. Молиться, что будет сын.

Может, хоть в этот раз боги услышат...

Роды начались поздно ночью, но к лорду сразу же прислали гонца. К Ише тут же позвали повитуху, которой, впрочем, не пришлось работать. Слугам было сказано, что госпожа готова разрешиться от бремени.

Самого ребенка привезли под утро. Маленькое красное сморщенное страшилище. По черной лестнице его подняли в комнату Иши, и лекарка, бережно приняв дитя на руки, передала его лорду.

Во дворе уже толпились слуги. Светящийся от радости Элисьер предъявил мальчика толпе, провозгласив:

– Склоните головы перед будущим лордом Зубца!

Потом ребенка отнесли «матери».

Иша смотрела на крохотное существо и не знала, радоваться или огорчаться. Тяжелая ладонь Элисьера легла ей на плечо.

– Я назову его Вардисом.

– Это твой сын и твое дело.

– Нет, Иша, – Элисьер мягко взял женщину за подбородок, поворачивая лицом к себе. – Это не только мой сын. Он и твой сын тоже. Ради меня, ради нас, я прошу принять его и заботиться о нем. Может быть, даже любить.

Иша посмотрела на мужа. Потом на ребенка. Снова на мужа.

– Хорошо, – сказала она.

Сильвхолл. 354 год правления новой династии

По двору носились дети. Король Таер с довольной улыбкой глядел на них. Такие шумные, такие озорные... дети знатных, хороших родителей. Играл с ними и принц Линель, наследник престола, но при взгляде на него улыбка короля вяла как цветок поздней осенью.

Был ли еще на свете правитель, который не любил бы собственного сына так же, как не любил своего Таер? Вряд ли... Усопшая три года назад королева не дала мужу ничего: ни тепла, так необходимого любому мужчине, ни любви, ни внимания, ни заботы. Даже сына она родила всего одного, да и то, больше похожего на себя, чем на законного супруга: черноглазого, приземистого, черствого. Не было в Линеле ни гибкости ума, так присущего королевскому роду, ни любознательности. Не обладал он никакими воинскими талантами и в будущем обещал стать посредственным правителем. Дурное семя. Как мог вообще у Таера появиться такой сын?

Мальчик поднял глаза к окну отцовского кабинета, словно почувствовав на себе взгляд, и король поспешил отвернуться. Не мог он любить этого ребенка, ну никак не мог...

Вантарра. 359 год правления новой династии

Девочка была маленькая, худенькая, невзрачная, только пронзительные серые глаза выделялись на бледном личике. Кадмэ промолвила, вымученно улыбаясь:

– Иди, милая. Фьямма проводит до спальни.

Девочка неуклюже присела и вышла за служанкой, Кадмэ повернулась к мужу:

– Зачем ты привез ее сюда?

Фрайвик отпил вина из глубокого бокала и пожал плечами:

– Я не мог иначе, она – дочь моего лучшего друга.

– У нее есть дядя. Можно было не забирать ее из Клыка.

– Я решил, что воспитание в доме людей королевских кровей пойдет ей на пользу.

– Ты решил, – губы Кадмэ брезгливо изогнулись. – Мог бы спросить меня.

– Зачем? Я точно знал, что ты будешь против.

– Я не любила Мортая, Фрайвик, ты это знаешь. А причин любить его дочь у меня нет тем более.

– Тем меньше имелось оснований советоваться с тобой. Ладно, не хочу больше возвращаться к этому разговору. Ты

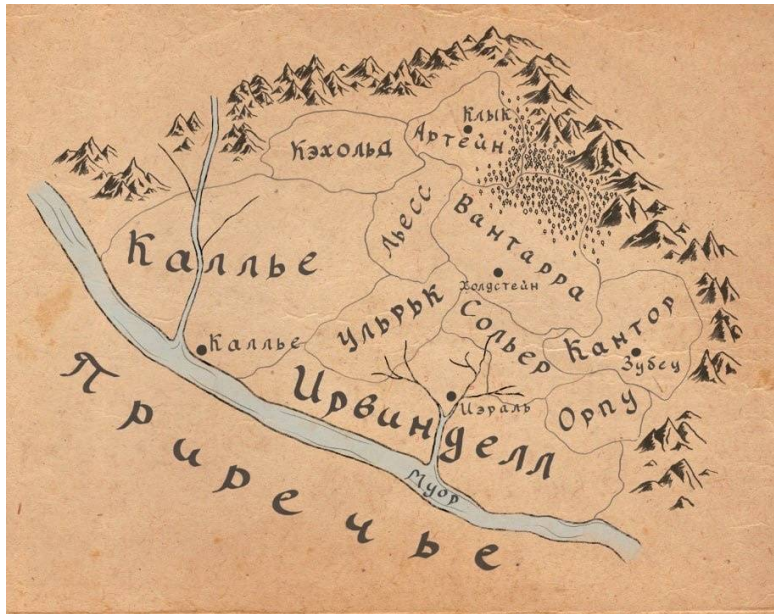
собрала Моэраля в дорогу?

– Ну разумеется, что мне еще оставалось? Ты забираешь у меня сына, а вместо этого привозишь какую-то девятилетнюю соплюху.

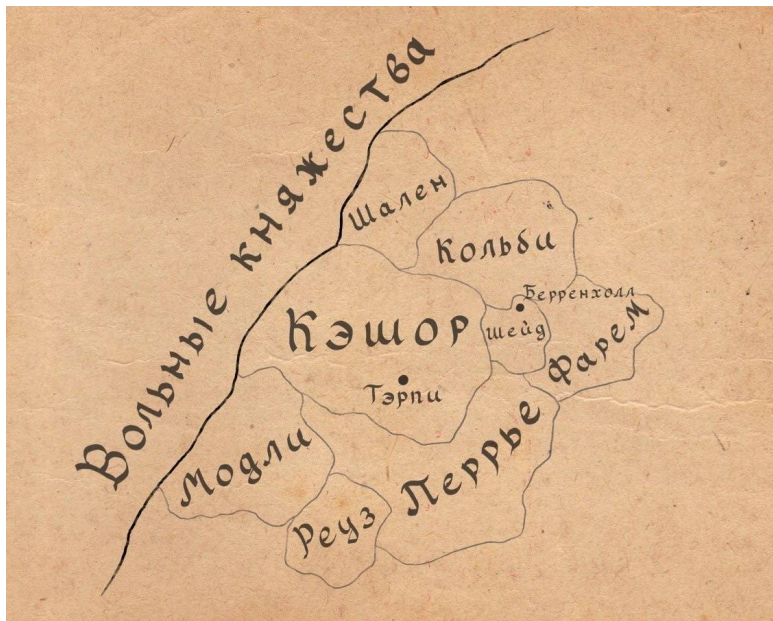
– Парню полезно будет пожить у дядюшки в столице, а к девчонке отнесись серьезнее – она же из Артейнов.

– Из волков! – Кадмэ фыркнула. – Как, ты сказал, ее зовут?

– Рейна.

Примерная карта Севера, составлена королевским картографом в 352 год от правления новой династии.

Примерная карта Запада, составлена королевским картографом в 356 год от правления новой династии.

Линель

В жарко натопленной комнате от запаха лекарств и благовоний кружилась голова. Неужели такой воздух действительно полезен умирающему? На месте придворных лекарей Линель открыл бы окна. Отец любил прохладу, бесчеловечно отказывать ему в последнем удовольствии.

– Ваше высочество, – из-за полностью закрывшего кровать балдахина выглянул младший лекарь с приглашающим жестом, – его величество очнулся.

– Слава Богам! – Линель поспешно откинул бархатный занавес.

Глазам предстало страшно иссушенное болезнью тело отца. Приоткрылись тяжелые веки, мутный взгляд родителя вперился в сына.

– Ты...

– Я с вами, ваше величество, – называть Таера отцом Линель отвык давным-давно. – Как ваше самочувствие?

– А сам не видишь... – Таер явно хотел добавить что-нибудь обидное, вроде привычного «дурак», но воздержался при посторонних. – Я умираю.

– Жрецы призвали милость Богов, быть может, Илерия вернет вам здоровье.

– Я давно не жду милостей от Богов... где Моэраль? Почему ты не привел его ко мне?

Линель беззвучно заскрежетал зубами. Даже на смертном одре отец думает о племяннике! Ничем не выдав крайнего раздражения принц ответил:

– Он уехал в Вантарру еще до вашей болезни.

– И что?! – больной король с усилием приподнялся на локте, мутные глаза неожиданно яростно сверкнули. – Я велел послать гонца!

– Это было сделано, ваше величество, но гонец... ммм... еще не вернулся, не известно, догнал ли он Моэраля.

– Значит, пошли еще одного! Хочу видеть племянника перед смертью!

«Ну разумеется, его тебе видеть гораздо приятнее, чем меня», – подумал Линель, искренне надеясь, что выражение лица остается все таким же вежливо-равнодушным.

Король закашлялся, один из врачей немедленно протянул чашу с лекарством. После нескольких глотков Таер тяжело откинулся на подушки. Младший врач вежливо тронул принца за локоть.

– Ваше высочество, его величество принял сильное снотворное, он будет спать несколько часов. Как только государь вновь придет в себя, мы немедленно вас позовем.

Кивнув Линель вышел прочь из воняющих лечебными травами покоев. В кабинете на четвертом этаже угловой башни замка он наконец расслабился. Огромное мягкое кресло приняло вес тела, и Линель вытянулся в нем с закинутыми за голову руками. Впрочем, отдохнуть не пришлось.

– Как самочувствие вашего родителя? – мягкий вкрадчивый голос раздался почти над самым ухом, но Линель не вздрогнул.

Юный принц привык к выходкам Байярда – единственного человека, которого мог считать другом.

– Отвратительно. У него... эээ... горячка. Лекари, похоже, бессильны. А он только и думает, как бы увидеть Моэраля.

– Спрашивал про гонца?

– Спрашивал. Но что я ему скажу?

Байярд с удовлетворенной улыбкой отошел к окну. Друг и советник принца вовремя перехватил королевского вестника, и известие о болезни дядюшки не достигло племянника короля. Вот и хорошо. Хорошо также, что Линель не знает о судьбе гонца. Принц пока слишком молод, прямолинеен. Вероятно, даже такая простенькая интрига не придется ему по душе... лучше уж кто-нибудь другой позаботится о благе королевства. Например, Байярд. Только одно смущало – король уж слишком любил племянника... Настолько, что не успокоился бы, ограничившись гонцом...

От размышлений Байярда отвлек Линель:

– Как думаешь, почему король хочет видеть кузена?

– Не знаю, мой принц. Опасаюсь только, что дело тут не только в привязанностях. Прошу вас, будьте настороже.

– Что ты имеешь в виду? – изумился Линель.

«О, Боги, как ты наивен!» – подумал Байярд, но не успел

ответить: дверь в покои принца растворилась, являя запыхавшегося слугу:

– Ваше высочество! Быстрее! Его величество отходит!

Линель вскочил, кресло, проехав по полу, врезалось в стену.

«Началось», – подумал Байярд, устремляясь вслед за принцем.

Таер не смог мирно отойти к Богам – Линель застал отца в страшных конвульсиях, корежащих тело. Несчастный король никого не узнавал – отбивался и от лекарей, и от сына с одинаковой силой, удивительной в иссохших членах. Спазм заставил зубы сжаться настолько крепко, что целители отчаялись влить в горло правителю хотя бы каплю сонного зелья.

Линель отошел от кровати и сел на стул, обхватив голову руками. Мысли прыгали стаяй бешеных блох, минуты текли как часы.

Из задумчивости принца вывел дрожащий голос старшего придворного лекаря:

– Ваше величество...

Линель не сразу понял, что обращаются к нему – принца положено называть Высочеством. Подошел Байярд, цепко взял молодого короля за локоть, заставив подняться.

Его величество Таер первый был мертв.

У постели усопшего сгруппировались шестеро советников короля, появления которых Линель не заметил, в том числе и Уолдер Молдлейт – лорд-председатель Совета. Тонкие пау-

чьи пальцы лорда держали свиток.

Двери в покои стояли нараспашку, коридор наполняли люди. По спине Линеля почему-то потек холодный пот. Что-то в происходящем казалось неправильным, недопустимым.

– Его величество усопший король Таер Первый Сильвберн оставил завещание, и согласно законам нашего королевства и заветам предков, я оглашу его немедленно у постели умершего короля, – провозгласил Уолдер, разворачивая свиток. – Воля усопшего да будет незыблема.

Люди в спальне и коридоре прекратили шептаться, затихли. Одинокая муха, прекратив жужжание, уселась на подушку возле самого уха умершего. Лапки ее деловито потерлись друг о друга.

«Отвратительно, – подумал Линель. – И это мы называем традициями? Стоять над свежим трупом? Планировать будущее в спальне умершего? Глупо и гадко». К горлу подступила тошнота. Молодой король сделал шаг, чтобы уйти, но пристальный взгляд лорда-председателя пригвоздил его к полу.

– Я, король Таер Сильвберн, – начал, наконец, громко читать лорд, отвернувшись от Линеля, – находясь в здравом уме, не уповая более на милость Богов, не посылающих исцеления, чувствуя, что жизнь подходит к концу, и не желая оставлять королевство на волю...

Лорд замолк. Люди в коридоре зароптали – сначала едва слышно, потом все громче и громче. Линель как в кошмар-

ном сне сделал шаг вперед и натолкнулся на растерянный взгляд лорда Уолдера.

– Ваше высочество... Не могу дальше читать... Ваш отец... Он лишил вас звания наследника и назвал своим преемником Моэраля Холдстейна...

Линель не очень хорошо запомнил события, последовавшие сразу за смертью короля. В памяти отложились отдельные образы. Вот кричат друг на друга лорды Торрен и Бриенн. Бледный Молдлейт медленно сворачивает прочитанный пергамент, на высоком лбу каплями выступает пот. Люди из коридора, подталкиваемые сзади новыми любопытными, по одному оказываются в спальне.

Таер лежит на кровати скорбным памятником своему правлению. Рот у него открыт, приоткрыт и правый глаз, но этого никто не видит. Что значат неудобства мертвого перед растерянностью живых?

Линель опирается на руку Байярда и думает, думает... Наконец, ободренный дружеским пожатием, провозглашает:

– Члены Совета! Через десять минут жду всех в зале совещаний! Остальные – прочь! В этой комнате умер король!

Приказ мог быть проигнорирован в свете оглашенного завета. Но люди привыкли видеть в Линеле будущего короля, и никто не посмел возразить. Зеваки вяло разошлись. Советники по одному покинули комнату. Линель не стал задерживаться – вышел вслед за всеми и быстрым шагом по-

шел к себе. Его трясло.

В прохладе и тиши знакомой комнаты принц смог немного успокоиться. Сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Потер нос. Чему удивляться? Разве он плохо знал Таера? Разве не чувствовал его ненависть? Разве не завидовал – втайне, конечно – привязанности короля к племяннику? Они ведь были похожи: Таер и Моэраль. Оба высоченные как сосны. Линель возле них казался кряжистым дубком. Оба синеглазые. Оба любили охоту и турниры, не терпели шутов и кислых сортов яблок.

Так что же поражаться последней предсмертной подлости Таера?!

Байярд, склонив голову с редеющими на макушке волосами, без движения стоял у окна, но Линель его не видел. Вдох – выдох. Вдох – выдох. Кончики большого и указательного пальцев потирают переносицу. Успокойся. Успокойся, ты справишься. Ты – королевский сын, тебя всю жизнь готовили к решению сложных задач. Эта – первая.

Ведь бывали и раньше трудности... Взять хоть лошадей.

Линель помнил, как сел на коня в первый раз. Ему было пять. Это был даже не жеребец, а смирная кобыла, у нее и в мыслях не было взбрыкнуть под седоком. Если бы все лошади были такие, как она. Увы.

Сначала маленький принц занимался на корде и казался себе героем. Он великолепно научился держаться в седле, скакать рысью. Все было замечательно. А потом ему сказали:

«Хватит», и отстегнули корду.

Скакать внутри загона было неплохо, очень даже неплохо. Линель быстро научился править лошадью, куда ему было угодно, а не туда, куда хотелось ей. Проблемы начались, когда вместо послушной старушки-кобылы появился мерин.

Мерин был темно-коричневого окраса, в белых чулочках, маленький, низенький, кругленький. И зловредный. Линель завел его в загон, оседлал. Сначала они шли шагом, а потом принц попытался поднять коня в рысь... и потерпел сокрушительное поражение. Вредная скотина, заметив неплотно затворенные ворота, напроочь игнорируя команды наездника, вышел из загона и легким аллюром направился к конюшне.

Вход в конюшню представлял из себя ворота с двумя створками, и одна из них как раз была закрыта. Толстенький конек, обремененный к тому же седлом, сунулся было к стойлам, но застрял. Он дергался несколько раз, но седло не проходило, и наконец разозленный неудачей конь принялся брыкаться. Все это время на спине животного сидел Линель и громко ревел. Только подросшие слуги спасли его высочество от окончательной потери чувства собственного достоинства.

На следующее занятие Линель пришел с хлыстом. Совсем маленьким хлыстиком, но именно благодаря проявленной твердости и этому хлыстику он смог все-таки сладить с вредным конем.

Прошли годы. Принц учился обуздывать своенравных ко-

был, спесивых мерингов, горячих жеребцов. Он не раз падал с крутых спин, не раз вылетал из седла от вероломного толчка крупом. Не раз напуганные лошади носились по чаще, где гибкие ветки деревьев хлестали Линеля по лицу... Но Линель всегда брал верх. И однажды его авторитет перед лошадьми стал столь велик, что уже ни одна не смогла позволить себе вольностей с будущим королем.

Теперь оставшись один на один с целой страной, полной завистников, недоброжелателей, врагов, Линель вдруг понял – на самом деле, это просто очередная лошадь. Нужны лишь упорство и терпение... и целое королевство примет его, как когда-то приняли обитатели конюшен.

Чтобы конь начал слушаться, не нужно внушать ему страх. Хлыст необходим не для того, чтобы причинять боль. Он – символ неотвратимости наказания. Когда мало шенкеля, в дело вступает тонкий прутик, не способный, на первый взгляд, нанести столь крупному созданию, как конь, хоть какой-нибудь вред. Постепенно лошадь начинает понимать – этому человеку лучше повиноваться, шутить он не любит. И вот тогда приходит уважение. Многого труда стоит завоевать это уважение... Но едешь потом с удовольствием...

Королевский Совет ждал короля в зале, две сотни лет назад специально обустроенном для заседаний. Посреди овального помещения, отделанного бледно-розовым камнем, стоял длинный стол с шестью креслами по бокам. Во главе стола высился трон, лишь немногим по роскоши уступающий

сидению короля в тронном зале. Узкие, но многочисленные окна без всяких гардин закрывали витражи. Слюду для них привезли с дальнего севера. Руки умельцев сложили из мелких стеклышек развесистые деревья и сказочные цветы. Когда Линель был маленьким, он как-то спросил у отца, почему мастера не изобразили на витражах битвы или деяния предков короля. «Потому что этому залу довольно политики», – ответил Таер.

Единственным украшением стен служил гобелен с родовым древом Сильвбернов. Входя Линель отвернулся от него. Ему не хотелось видеть имя Моэраля – даже на гобелене. Вместо этого молодой король медленно обвел собравшихся взглядом. Остановился на каждом.

Высокий худощавый лорд Уолдер Молдлейт. Этот поддержит в любом случае – у Молдлейтов никогда не было хороших отношений с Холдстейнами, в случае воцарения Моэраля кресло лорда-председателя за ними не останется.

Недавно отметивший пятидесятилетие лорд Бриенн. Бриенны многим обязаны Сильвбернам. И Молдлейтам. На них тоже можно рассчитывать.

Ничем не примечательный лорд Эринн. Эринны – темные лошадки. Могут поддержать, а могут и предать. У них много друзей среди северян, так что кто знает, кто знает...

Рыжий лорд Торрен. Торрен занимает кресло скорее по традиции, чем ввиду ценности для королевства. Когда-то богатый род за последние десятилетия обеднел и потерял часть

влияния. Сложно предсказать, как может повести себя Торрен.

Жирный – как только в кресло влезает? – лорд Райсен. Этому Линель не стал бы доверять. Слишком большое отращивание вызывали у него подхалимы. Райсен продаст родную мать, если предложат подходящую сумму. И жену, если за нее вообще что-нибудь предложат. Нет, Райсену Сильвберн верить не мог.

Последним в самом дальнем кресле сидел молодой лорд Перрье, друг и сторонник умершего Таера. В его лояльности можно не сомневаться – поддержавший отца не откажет в помощи сыну.

– Лорды?

– Приветствуем ваше высочество! – нестройно отозвались лорды, послышался шум отодвигаемых кресел.

Линель подошел к месту во главе стола и не без некоторого содрогания уселся. Совсем недавно здесь сидел Таер...

– Ваша милость... – голос принадлежал Уолдеру Молдлейту. – Мы могли бы решить вопрос государственной важности без посторонних?

Линель проигнорировал вопрос. Верный Байярд был с ним рядом весь день, и король не собирался отправлять его за дверь теперь. Пусть в коридоре стоят слуги и стража. Байярд Зольтуст к ним не относится.

– Уважаемые члены совета, – заговорил молодой король, стараясь, чтобы голос звучал одновременно и мягко, и суро-

во. – Я... ммм... собрал вас для решения одного важного вопроса – как нам вести себя в свете оглашенного завещания его величества усопшего Таера Сильвберна, моего отца. Я готов выслушать ваши предложения, но прежде хочу знать: кто... эээ... считает, что следует принять волю умершего и короновать Моэраля Холдстейна?

– Я!

Из-за стола встал Крэм Торрен.

– Мы все слышали волю его величества! – громко сказал он, говоря для всех, но смотря на Линеля. – Согласно эдикту короля Роллана Первого Сильвберна король вправе завещать трон. Если мы провозгласим его высочество королем, мы нарушим не только волю усопшего, но и закон!

– Закон!!! – Бриенн вскочил с места. – Закон был, есть и остается неизменным! Эдикт не может быть применен в этой ситуации!

– Почему же?! Я не хуже вас знаю историю, милорд, и – уверяю вас – именно этого и намеревался избежать Роллан: чтобы трон наследовали недос...

Торрен запнулся.

– Ну же, – вкрадчиво произнес Линель. – «Недостойные», это ведь вы... как бы... хотели сказать? Произнесите же это слово, милорд. Пусть... эээ... ни у кого не останется сомнений.

Торрен громко выдохнул и высоко поднял голову.

– Я не считаю вас недостойным, ваше высочество. Для ме-

ня значимо, что ваш отец счел вас таким.

– Надеюсь, вы... эээ... понимаете, лорд Торрен, что вы только что сделали? – Линель содрогался внутри, но делал все возможное, чтобы выглядеть спокойным. – Это ведь измена, милорд. Измена карается смертью. Смертью на месте.

Во время совещаний Совета в зал не допускали никого, кроме советников и короля, даже охрану. Правда, Линель сомневался в возможности предотвратить случившееся – больно быстро все произошло. Байярд сделал несколько резких шагов вперед, и лорд Торрен схватился за горло. Широкие алые струи побежали по его груди, заливая белоснежную сорочку. Торрен захрипел. В глубоком разрезе на шее что-то забулькало. Потом скрюченные пальцы схватились за спинку кресла, сжались. И разжались – в последний раз. Грузное тело осело на пол.

– Я готов выслушать всех и каждого, – сказал Линель, борясь с дурнотой. – Но оскорблений не потерплю. Лорд Торрен... ммм... по какой-то причине забыл свое место. Это место займет доверенный человек – Байярд Зольтуст.

– Место в Совете может занимать лишь лорд-наместник, – заметил Молдлейт. Спокойно заметил, будто не перед ним только что зарезали человека.

– Это поправимо. Но мы уже... как бы... потратили много времени, милорды. Вернемся к начатому. Как нам поступить в свете оглашенного завещания?

Лорды переглянулись, но на их лицах Линель не заметил

ни следа сомнений, похоже, они просто решали, кто должен высказаться первым. Все взоры устремились на Бриенна.

Лорд Эдлин Бриенн, еще бывший на ногах после стычки с Торреном, откашлялся, коротко поклонился и сухо сказал:

– Я полагаю, для блага страны и династии Сильвбернов целесообразным является ваше правление, ваше величество.

Линель кивнул, Бриенн сел, поднялся Эринн Колисс.

– Согласен с лордом Эдлином. Я считаю вас своим королем.

– Поддерживаю, – каркнул с места Огден Райсен.

– Ну разумеется, – прозвучал тихий голос лорда Перрье. – Вы – Линель Сильвберн – наш законный король.

– Поддерживаю, – произнес Байярд.

Уолдер Молдлейт довольно кивал. Когда все высказались, поднялся и он сам.

– Ваше величество, – медленно проговорил лорд-председатель. – Еще до вашего прихода мы кратко обсудили произошедшее и пришли к однозначному выводу. Данный вывод мы сделали не только руководствуясь нашей любовью и уважением к вашему величеству, но также и соображениями закона. Как известно всем присутствующим, – взгляд лорда обвел собравшихся, скользнув по трупу под столом и задержавшись на лорде Перрье, – почти четыреста лет назад наше государство пережило серьезные потрясения, связанные с войной между претендентами на престол и отсутствием прямого потомка правящей династии. Чтобы не повторился

кошмар междоусобной войны, тогдашним правителем был издан эдикт, согласно которому король вправе назначить себе преемника, и того обязаны считать продолжателем династии. Данным правом воспользовался и его величество Таер, указав в качестве приемника Холдстейна. Однако, его мудрейшее величество не учел реалии, в связи с которыми принимался эдикт. Эдикт имеет целью урегулирование конкретной ситуации – установление в стране королевской власти в отсутствие прямых наследников, и только при таких условиях может быть применен, невзирая на неточность формулировки. Таким образом, его величество Таер не имел права использовать норму эдикта в сложившейся ситуации. Установление правил наследования престола завещанием – явление недопустимое. Иными словами, ваш отец, ваше величество, не имел права завещать корону Холдстейну. Руководствуясь этими соображениями, мы и признаем вас нашим законным правителем.

Линель слушал лорда-председателя, поражаясь его изобретательности. Как и Торрен до этого, Уолдер опирался на закон, но как разнились выводы!

– Благодарю за поддержку.

– Мы полагаем, ваше величество, после решения столь важного для всех нас вопроса, можно перейти к обсуждению сложившейся ситуации. У кого есть предложения?

– Ну, во-первых, – начал лорд Райсен, поглаживая короткую бородку, – я полагаю, следует держать в тайне содержа-

ние завещания его величества.

– Ну, не будьте ребенком, Огден! – отмахнулся Колисс. – Этого не утаить. Слишком много народу присутствовало при оглашении, расскажут лекари, растреплют слуги. Найдутся доброжелатели, пошлют весточку в Вантарру.

– Согласен, нужно быть благодарными судьбе, что самого Холдстейна не было при оглашении, – кивнул Перрье. – Насколько мне известно, гонцы от его величества не доехали до лорда?

Все присутствующие переглянулись и промолчали – никто не знал по этому поводу ничего конкретного, а тот, кто знал, не желал рассказывать.

– Итак, – подвел итог лорд Бриенн. – Очевидно, Холдстейну станет известно о содержании завещания, это лишь вопрос времени. Как он поведет себя, узнав, что его лишили короны?

Линель вздохнул: разве могут быть сомнения?

– Моэраль самовлюблен и эгоистичен, – тихо сказал он. – Я не могу утверждать, что он изначально... эээ... строил какие-то планы по получению трона, согласитесь, ведь никому из нас... ммм... никому из вас – проницательнейших людей королевства, не приходило в голову, что его величество совершит такой шаг. Но теперь, когда он... как бы... почувствует тяжесть королевской короны на голове, – Линель понял, что говорит слишком длинно и запутанно, и поспешил закончить. – Я и мысли не допускаю, милорды, что он отка-

жется от власти.

Лорд Молдлейт усмехнулся:

– Я согласен с его величеством. Холдстейнам присуще властолюбие. Не следует рассчитывать на жест доброй воли со стороны Моэраля. Милорды, придется готовиться к войне.

Резко побледневший Линель пошатнулся – о войне он не думал. Досадливо поморщились Эринн и Райсен, склонил над столом темную голову лорд Перрье. Даже Байярд более не казался невозмутимым. Только Бриенн желчно усмехнулся:

– Да кто пойдет за Холдстейном?

– Очень многие пойдут, – ответил Молдлейт. – Холдстейны издревле имеют огромное влияние на севере. И, если вы правильно помните, лорд, далеко не все благородные семейства имеют в стране такое положение, какое им бы хотелось.

– Значит, война, – констатировал Линель и поежился. – Только не говорите, что наша казна пуста.

– О нет, ваше величество, – улыбнулся Молдлейт. – Ваш отец был умен и бережлив, золота у нас достаточно. Кроме того, большинство лордов против перемен в королевстве, многие поддержат вас лишь ради того, чтобы не потерять прежнее положение. Я полагаю, именно к таким лордам и следует обратиться. Я направлю одного из сыновей к Шейду. То же самое, полагаю, следует сделать и по отношению к остальным лордам. Направьте гонцов, ваше величество, нам

нужно собрать армию раньше, чем это сделает Холдстейн.

Эхо шагов летело впереди Линеля. Воздух казался сырым и промозглым, а может, причиной была близость войны. Линель ощущал слабость, его мутило. Рука то и дело в бессознательном жесте поднималась к лицу, пощипывая кончик носа. Высокий жесткий ворот камзола натирал шею. А ведь Линель любил такие камзолы, носил их все время, и раньше все было в порядке!

Стражники – бывшие охранники Таера – шли в десятке шагов позади. Их закованные в железо фигуры раздражали молодого короля одним своим видом, но отослать охрану Линель не мог. Боялся.

Новому королю, совсем недавно сравнившего страну с лошадьёю, казалось, что поводья вдруг поползли из рук.

«С чего я начинаю правление? – вертелась в голове мысли. – Убийство... Может, надо было помешать? Но они вроде как восприняли это нормально... Никто будто не понял, что я не имел намерения... И Байярд. Как ловко я ввел его в Совет... Это я правильно поступил. Но война? Надо ли было давать свое согласие? И все же этот Торрен, ох, ведь это неправильно! Я ведь и не хотел такого... Ох, Боги! Народ запомнит меня королем-разорителем, убийцей, неугодным сыном и правителем, – при этих мыслях Линель грустно улыбнулся. – Разве об этом я думал? Разве этого хотел мой отец?». »

– Ваше величество...

Линель вздрогнул от неожиданности. У оконного проема стояла девушка. Миниатюрная, светловолосая. Линель мысленно вздохнул – за сегодняшний день подобные ей отвлекали его уже четвертый раз. Похоже, именно это является делом короля... Нет, они приходили и раньше, ведь он был наследным принцем... но теперь эти женщины вели себя словно волчицы, почуявшие свежую кровь. Только интересовала их не кровь, а блеск королевской короны.

– Что вам, милая?

Она вышла из тени, и стало возможным разглядеть вышивку на лифе платья – небольшие черные вороны. Уэсс?

– Вы... эээ... дочь лорда Уэсс?

– Да, ваше величество, Эмилия Уэсс.

– Вы... чего-то хотели?

– Лишь выразить свои соболезнования... Я знаю: вы очень любили отца.

«Не то слово», – с сарказмом подумал Линель.

– Спасибо, леди Уэсс, – прозвучали холодные слова.

Король пошел прочь. Девушка не последовала за ним, но Линель был почти уверен: позже она повторит свою попытку. Каждая из женщин королевства теперь мечтает выскочить за него замуж. Может быть, даже через постель. Возможно, некоторые и удовольствовались бы постелью... Линель не хотел рисковать. Он знал несколько исторических примеров, когда королей заставляли жениться на обесчещенных деви-

цах. Особенно, сильно благородных девицах, и молодой король не хотел повторять ошибок предков. Он вообще не хотел жениться. Не сейчас. Не по расчету. Слишком многому научил пример собственных родителей, люто ненавидевших друг друга. Пусть королю глупо мечтать о браке по любви, он мечтал. Эти светловолосые пустышки ему не нужны.

Фадрик

Шаг. Один, второй. Кончик трости твердо и осторожно упирается в выщербленные плитки пола. Только не спешить.

Не спешить – это было вечным девизом Фадрика. Уже много лет назад он понял: спешка не для него. Наверное, это случилось, когда он, пытаясь поспеть за младшим братом, упал и сломал ногу. Было очень больно. Просто запредельно больно. Зато с тех пор его девизом стало «Не спешить».

Чтобы добраться до покоев отца в королевском дворце нужно пройти по длинному коридору и подняться по лестнице из семи ступенек. Фадрик остановился у первой ступени, тяжелый выдох вырвался изо рта, взгляд пробежался по крутой лестнице. Фадрик машинально потер спину, впрочем, сегодня почти не нывшую – хоть какое-то благо от ненормально жаркого лета.

– Готовишься к очередному подвигу, герой?

– Почему бы и нет? – равнодушно спросил Фадрик, даже не оборачиваясь. – У каждого свое ристалище, знаешь ли.

– Выходит, от помощи окажешься? – Линнфред, красуясь, обошел брата, и демонстративно поставил ногу на первую ступеньку.

От него сильно пахло лошадьми, и еще сильнее кислым человеческим потом. Тем не менее Фадрик молча протянул руку, едва сдержавшись, чтобы не поморщиться.

– Мужчины воняют, герой, – тихо шепнул Линнфред, угадав отвращение. – Такова жизнь.

Лорд Молдлейт ждал сыновей. Едва лишь они вошли в комнату, где лорд работал, он кивнул на резные стулья напротив стола, и лицо его скривилось. Похоже, аромат старшего достиг и его ноздрей. Уолдер был бледен, на висках блестели мелкие капельки пота. Впрочем, рука, державшая перо, не дрожала.

– Наш король совершил ошибку, – глухим голосом сказал Молдлейт, пристально глядя на каждого из сыновей поочередно. – Я позвал вас, чтобы предупредить – в стране случились перемены, и они могут больно ударить по нашей семье. А может быть, оставить нас в выигрыше. Жаль, что Дагги нет здесь, и мне придется говорить только с вами двоими. Итак, как я уже сказал, король совершил ошибку...

– Какой король? Новый или старый? – Линнфред отодвинулся от стола, заложив ногу за ногу. Грязные штаны пачкали зеленую обивку стула, но наследный лорд этого не замечал. На его лице явственно читались скука и досада: еще бы! Ведь пришлось покинуть конюшню. – Я слышал, на площади орал глашатай, Таер скончался.

– Ошибся Таер. Я допускаю, что решение его правильно, но вот воплощение... Впрочем, давайте по порядку. Триста семьдесят шесть лет назад прервалась старая королевская династия и в результате междоусобной войны на трон взошли Сильвберны. Если верить летописям, страна доста-

лась им в разоренном состоянии, обессиленной, обескровленной. Все понимали, что причиной тому война за власть между лордами, желавшими занять опустевший престол. Какое решение принял тогдашний король, Фадрик, чтобы такое не повторилось?

– Если я правильно помню, – Фадрик на миг задумался, а потом выпалил одним махом, словно на уроке истории, – Роллан Сильвберн решил, что не дело, когда в отсутствие наследников трон остается пустым и принял эдикт, согласно которому правитель в случае бездетности может назначить наследника, и тот будет считаться его прямым потомком.

– Именно, – Уолдер кивнул, и Фадрик довольно улыбнулся. – Только эдикт звучал немного не так. Ты верно уловил смысл и условия, при которых допустимо его применение, но не привел подробную формулировку. Если дословно, звучало так: «Властью своей король волен назначить любого, кто станет королем после него». Подумайте.

На несколько минут в кабинете воцарилось молчание. Ковырявшийся под ногтями Линнфред насупился – его девизом сегодня, похоже, было: «Не думать».

– Не понимаю, – сказал наконец Фадрик. – При чем тут эдикт трехсотлетней давности? Таер умер, да здравствует Линель! Именно это кричат на улицах глашатаи.

– Глашатаи кричат, что им приказали, – ответил Уолдер, – а приказали славить Линеля. Я присутствовал при смерти старого короля три часа назад. Король оставил завещание.

Таер отказал Линелю в праве наследовать трон. Нашим королем должен стать Моэраль Холдстейн.

В наступившей тишине Фадрик хорошо слышал, как охнул Линнфред. Впрочем, он и сам с трудом удержался от крика – так неправдоподобно, невозможно было услышанное.

Уолдер кисло усмехнулся:

– Понимаю ваше удивление. Видели бы вы лица советников... ха-ха. Они...

– Но Холдстейн! – перебивая отца, Линнфред вскочил с кресла, махая руками. – Холдстейн!

– Именно, – лорд Молдлейт снова усмехнулся, – Холдстейн. Родственник короля. Дальний потомок Райолка Холдстейна – младшего сына Роллана. Любимец Таера и на редкость смысленный парень. Я согласен с усопшим в одном: он может стать гораздо лучшим правителем, чем Линель.

– И тем не менее, глашатаи вопят на улицах имя Линеля, – сказал Фадрик.

– Ну разумеется. Никто не собирается сажать Холдстейна на престол. Моэраль был бы хорошим королем, но он – северянин. И поддерживать его будут северяне. И самые важные посты в королевстве займут северяне. А где окажемся мы? Нынешние советники, казначеи? – Уолдер раздраженно дернул ворот наглухо застегнутого камзола. – Нет, присягать Холдстейну мы не намерены. По крайней мере, большинство из нас.

– Но не все?

– Не все. Сегодня на заседании Совета был убит старый Торрен.

Линнфред присвистнул. Уолдер кивнул.

– Официальная версия такова: Торрен казнен за измену. Вследствие измены главы рода, весь род отстранен от наследования кресла королевского советника.

– Кресло пустует? – поинтересовался Фадрик.

– О, нет. Его уже получил Байярд Зольтуст.

– Простолюдин?!

– Король дал понять, что простолюдином ему оставаться недолго. Между прочим, Торрен был убит именно им.

– Но как король позволил? – изумился Линнфред.

– Ты огорчаешь меня своей тупостью, сын! Неужели не ясно: все произошло с попустительства Линеля! Линель Сильвберн – не лучший король, но он понимает, что делать, чтобы удержать власть в руках! Убийством Торрена он показал, что ждет отступников. А заодно посадил в Совет своего человека. Спасибо еще, лордом-председателем не назначил... – Уолдер сбавил тон, раздраженно пригладил седеющие волосы. – Смерть Торрена не имеет значения. От его родственников проблем ждать не стоит, им бы сохранить оставшееся влияние, куда там – мстить королю. Я не про Торрена собирался говорить. Опасность грозит стране, а значит – и нашей семье.

Фадрик закусил губы, поднял глаза к потолку. Малахито-

вую люстру со множеством свечей пора было чистить от подтеков воска...

– Можно будет скрыть случившееся от народа?

Уолдер собрался было ответить, но дикий вопль из внутреннего двора сделал это за него.

Линнфред резко вскочил и в два шага оказался у окна. Отодвинул шитые золотом гардины.

– Я покажу тебе, северная выскочка, изменник поганый!!! Объясню, с какой стороны имел твое мнение! Я тебе ногу в задницу запихаю!!! Стража!

Загрохотали тяжелые сапоги. Даже на третьем этаже было хорошо слышно, как звякают алебарды – оружие охраняющих замок солдат. Послышался быстрый топот ног. И кричавший, и человек, ставший причиной крика, убегали. Только пока второй молчал, первый продолжал кричать:

– Измена! Измена!

– Вот видишь, – устало сказал старший Молдлейт младшему, – скрыть не получится. Слишком много народу знает. Люди уже говорят, выбирают сторону. Кто-то захочет выслужиться перед Холдстейном и доставит радостную весть. Судя по всему, Таер желал оглашения в присутствии племянника, он часто спрашивал про гонцов, отправили ли их к Моэралю. Похоже, у Линеля есть мудрые друзья, которые позаботились об отсутствии Холдстейна в столице на момент смерти короля...

– А почему все уверены, что он захочет принять корону? –

вдруг спросил Фадрик и сам удивился, почему такой вопрос не пришел в голову виднейшим умам королевства. Ответом ему стал раскатистый смех брата и отца.

Отсмеявшись лорд Уолдер взял со стола чашу с водой, сделал глоток и ответил сыну вопросом на вопрос:

– А ты бы отказался стать королем, Фадрик?

– Не знаю... Королем быть трудно. Если выбирать, я хотел бы стать советником...

– Холдстейну не предлагают быть советником, сын. Либо королем, либо никем.

– Я бы на его месте не отказался бы, даже если б мне жгли пятки каленым железом, – прошептал Линнфред, но его все равно слышали. – Я бы вцепился в эту власть как пес, и попробовал бы кто-нибудь разжать мне зубы!

– Вот тебе и ответ, Фадрик, – тихо сказал лорд. – У Холдстейна есть все законные основания потребовать трон и, поверь мне, он это сделает. Возможно, сначала попробует похорошему, а вот когда поймет, что корону просто так никто не отдаст... Будет война. Но в этой войне мы должны опередить его. До зимы под наши знамена должны собраться все, кто готов поддержать наследника Сильвберна... и Молдлейтов. И Бриеннов. И Эриннов. И Райсенов... Падет Сильвберн, и власти нам не видать. За северянином должно пойти как можно меньше семей! Мы будем обещать влияние, власть, земли... только бы они предпочли Линеля Моэралу.

– Война за влияние?

– Да, это – война за влияние, и нам повезло, что именно мы можем сделать первый шаг. Итак, мне нужна ваша помощь. Ты, Линнфред, отправляйся домой и начинай собирать войска. Ты, Фадрик, поедешь к лорду Шейду и расскажешь о нашем разговоре. И о завещании Таера. Обрисуешь всю перспективу и от моего имени прикажешь – только так прикажешь, чтоб не обиделся, скорее, мягко намекнешь – чтобы созывал рекрутов. Задачи ясны?

– Да, отец! – в один голос заявили братья.

– Тогда идите. Я еще намерен отправить гонца к Дагги, – с этими словами старый лорд уткнулся в бумаги.

Молодые лорды ушли.

Линнфред снова помог брату в борьбе со ступеньками, не сбежал и когда нога Фадрика коснулась ровного пола. Молча пошел рядом.

Фадрик мысленно планировал путешествие. Кого взять с собой? Ехать большим отрядом не хотелось – в столице могли возникнуть волнения. Если все солдаты уедут из Сильвхолла с братьями-Молдлейтами, кто обеспечит защиту дома и отца?

Лорд Уолдер, конечно, нашел бы способ о себе позаботиться, но Фадрик не хотел возлагать на отца лишние проблемы. Хоть старший Молдлейт и пытался это скрыть, он был испуган. Фадрик знал отца лучше братьев и за фасадом привычного образа видел совсем другого лорда-председателя. Уолдер по-прежнему носил строгий – с единственным

украшением-брошью в виде рыси – костюм: приталенный камзол, облегающие худощавые ноги штаны. Гладкие волосы, как всегда, идеально зачесаны назад. Узкое длинное лицо не бледнее обычного, к тому же бледность являлась фамильной чертой Молдлейтов. Фадрик улавливал не внешние отличия, а внутренние. Отец дрожал как перетянутая тетива.

Нет, Фадрик не желал, чтобы лорду Уолдеру приходилось думать еще о чем-то, кроме подготовки к войне.

– Линнфред, я не стану брать с собой солдат, хватит одного Кобрин. Но ты ведь заберешь нескольких, так что, раз уже едешь домой, не мог бы ты... – начал было он, когда Линнфред внезапно сильно дернул брата за руку, заволакивая за угол.

Но было поздно.

Высокая стройная девушка в оранжевом платье нагнала братьев в несколько шагов. Она сильно запыхалась, светлые волосы мокрыми прядями прилипли ко лбу.

– Скотина! – крикнула она Линнфреду, и щеку брата Фадрика расцвел отпечаток ладони. – Тварь!!! – последовала вторая пощечина, и на лице Линнфреда возникла глубокая царапина.

Блондинка – как и большинство придворных дам – носила кольца, и одно из них, с самым большим камнем, повернула украшением внутрь ладони. Скорее всего намеренно.

Девушка занесла руку для третьего удара, но Линнфред перехватил ее.

– Хватит, Сюзанна! Довольно!

– Я убила бы тебя!

– Я уже позволил достаточно! Пощечина и царапина – этого хватит для мести.

– Так, значит, ты оцениваешь мою сестру? В одну жалкую царапину?!

– Я мог сломать тебе руку! Вместо этого позволил себя бить! Хватит, говорю я!

– Ты подлое... – начала девушка, но тут за поворотом коридора раздались шаги.

Сюзанна с ненавистью взглянула на Линнфреда, подобрала юбки и побежала прочь.

– Огласки боится, – усмехнулся Линнфред. – Проклятие, я успешно прятался два дня, а здесь со этими всеми новостями расслабился.

Из-за поворота вышел лорд Перрье, вежливо наклонил голову в знак приветствия и пошел дальше. Фадрик с невольной завистью проводил милорда взглядом. Стройная фигура, танцующая походка. Говорят, Хортен Борсенгьон так же хорош в вальсе как на ристалище. Фадрику, правда, не выпадало возможности в этом убедиться: на ристалища он не ходил, а балов избегал.

– Так что произошло у тебя с этой девицей?

– Не с нею, с ее сестрой. Дерьмо! Как славно, что отец отсылает меня в Молдлейт. Если б не это, я б прям не знал, что и делать.

Фадрик грустно улыбнулся. Так всегда получается: кому-то все, а кому-то объедки с высокого стола. Двум братьям-Молдлейтам: Линнфреду и Даггарду – повезло. Боги не обделили их здоровьем и красотой. Оба молодых лорда при дворе имели опасную репутацию: и для соперников, и для женщин. Правда, о подвигах Даггарда было известно меньше. И пощечин, на памяти Фадрика, ему не давали никогда.

Линнфред, правильно поняв улыбку брата, успокаивающе похлопал того по плечу.

Двое молодых светло-русых голубоглазых мужчин молча пошли бок о бок. Один – высокий, широкоплечий, с трудом приноравливающий широкий шаг к шаркающей походке второго – худенького, сгорбленного, тяжело опирающегося на трость калеки. Лучи вечернего солнца пробирались сквозь узкие окна и заставляли людей отбрасывать тени на светло-серые стены. Как ни странно, очень похожие тени, практически одинаковые.

Вардис

Дул холодный ветер, совсем не свойственный месяцу начала осени. Вардис раз пятнадцать проклял себя за оставленный в комнате плащ. Можно уйти со стены, но рано: наследный лорд еще не окончил проверять посты.

Впрочем, проверять особо нечего – лорды Кантора проводили обходы каждый день в одно и то же время, поэтому страже ничего не стоило подготовиться к появлению хозяина, нацепив личину усердия и бдительности. Скука.

Родовой замок Канторов назывался Лисий Зуб, но последние лет пятьдесят в ходу было второе название – Зубец. Никто уже не помнил, кто впервые так обозвал обитель лорда-наместника, но название прижилось, и многим казалось весьма удачным.

Зубец построили около пятисот лет назад. В те времена замок являлся образцом красоты, величия и удобства, но годы прошли, строить стали иначе. Канторы неоднократно задумывались, не возвести ли новое родовое гнездо... что-то мешало.

Вардис знал: при его правлении нового замка у рода не появится. Он любил Зубец. Любил донжон с возвышавшимися на вершине пятью башенками, тесный внутренний двор с ко-

лодцем и дверью потерны¹, внешний двор со зданиями кухни, конюшни, хлева и маленьким садиком. Особенно любил широченную – телега проедет – стену. В детстве Вардис часто сидел на ее краю, бесстрашно болтая ногами, рискуя свалиться. Случись такое, и лежать мальчишке в могиле: рва вокруг замка не было. По приказу Элисьера его закопали еще до рождения Вардиса. Канторы не воевали около сотни лет, а ров вонял каждый день.

Вардис перегнулся за стену и смачно сплюнул, едва не попав на залегшую внизу собаку. Псина недоуменно покосилась на расплывающуюся у самого носа лужицу. Нос с любопытством втянул воздух, но вкусным не пахло. Из горла животного вырвался тяжелый вздох, и интерес к находке пропал. «Наивная» – ухмыльнулся Вардис, вновь наклоняясь. Интересно, второй плевок окажется более удачным или менее?

Плевка не вышло – из кухни появилась Далая, и Вардис поспешно сглотнул накопленную слюну. Впрочем, девушка на него не смотрела. Пожалуй, она проигнорировала бы не только слюноизвержение в сторону собаки... Вардис с грустью подумал, что вырядись он в костюм паяца, да пройдишь по канату, Далла все равно посмотрит в другую сторону.

Взгляд сам собою устремился вдаль. Через поле с одинокими обмолоченными снопами пролежала дорога, убегая в синеющий еловый лес. Ленивое солнце вылезло из облаков,

¹ Потерна – подземный коридор между фортификационными сооружениями.

прошлое лучами по верхушкам деревьев.

«Как скучно!» – подумал Вардис, и в этот момент...

Не может быть. Хотя, на обман зрения не похоже.

Вардис пристально всмотрелся и удивленно притопнул – ему не померещилось, к Зубцу приближались гости. Их было то ли девять, то ли восемь. Кони поднимали копытами сохранившуюся с лета пыль, и всадники двигались в мутном облаке. Собственно, это самое облако и привлекало внимание.

Всадники скакали быстро, и уже через несколько минут стало возможно рассмотреть их знамена, точнее – знамя, одно на всех. Раскидистая сосна на желтом фоне. Яркий, прямо-таки режущий глаз герб дома Шаленов. Впереди всех ехал сам благородный лорд, темно-зеленый плащ развевался на ветру, хлопая коня по заднице. Легковато одет лорд для сегодняшней погоды.

«Отец будет рад, – подумал Вардис. – Давненько у нас не было старых друзей».

К воротам он успел как раз вовремя – запыленный Игбор Шален еще не спешился.

– Вардис! Ты ли это? Уезжая отсюда лет...

– Семь, – улыбаясь, подсказал Вардис.

– Точно, семь... как время летит... Да, я и не думал, что увижу тебя таким высоченным. И в плечах широк... Весь в отца! А где Элисьер?

– Ему нездоровится, – ответил Вардис, помогая тучному

лорду сползти с коня, — уже месяц или два, даже посты на стене я проверяю.

— Помедленнее говори, что частишь? Ну-ка повтори, что только что сказал.

— Нездоровится отцу, говорю. Давно уже.

— Не радуешь ты меня, — нахмурился Игбор. — Думал, хоть у Канторов все в порядке, так нет... Ну что, веди к нему. Ох, время, время... что ж ты будешь делать...

Элисьер ждал гостей. Из окна хозяйских покоев, где лорд Кантор проводил большую часть времени, хорошо просматривался двор, и старый друг был встречен с распростертыми объятиями.

— Игбор! Старый пес! Как тебя занесло в наши северные края?

— Намеренно ехал, клянусь, намеренно, — засмеялся Шален, похлопывая Элисьера по спине, и добавил, чуть тише. — Погано выглядишь, друг мой.

— Старость и болячки никого не красят, — вздохнул шестидесятилетний Кантор и, тяжело припадая на правую ногу, поплелся к креслу. — Я, как старое дерево, вроде скриплю пока, а налетит буря, и поминай, как звали... Но рад, очень рад, что довелось увидеться перед смертью. Вардис! Что стоишь, прикажи, пусть ужин несут.

Пока Вардис звал слуг и отдавал приказы, друзья успели обменяться новостями. Оказалось, Игбор пять лет как дед — выдал замуж последнюю дочь. В Шалене все в порядке, три

года назад случился мор, но с ним быстро справились. Двоюродный брат лорда умер, впрочем, все этого ждали – долго болел, и Игбор унаследовал владения. Дело было за малым – съездить в столицу и удостоверить кой-какие бумаги. Именно из столицы и возвращался старый друг Элисьера.

– Не дурной крюк ты сделал, чтобы потешить меня, – усмехнулся Элисьер. – В добрую сотню миль, пожалуй.

– Я ехал поговорить, – ответил Игбор и вопросительно посмотрел на Вардиса, застывшего в дверях.

– Говори при нем, – вздохнул Элисьер, жестом указывая сыну на скамью у стола. – Я не вечен. Может быть, в следующий приезд застанешь в кресле лорда его.

– Как знаешь, – лорд Шален и не думал возражать. – Если здоровье так плохо, может и к лучшему, если сын будет в курсе. Дурные дела творятся у нас в королевстве, друг мой.

– Не томи, давай ближе к делу.

– Король умер.

Вардис подался вперед, невольно заинтересованный мрачным тоном лорда, но на него никто не обратил внимания. Элисьер, нахмурившись, смотрел на Игбора.

– Да, дружище, Таера больше нет, – продолжил Шален, насладившись произведенным эффектом. – Дурная лихорадка сожгла за пару недель. Ясно-понятно, что никто подобного не ждал, король был крепок, как дуб, и тем не менее... Столица в волнении!

– Чего волноваться? Таер оставил наследника.

– Таер смачно плюнул в лицо королевству перед смертью. Прямо об этом не говорят... но это как корову под столом прятать: то копыта, то рога торчат. Все знали, что король не любил наследника. Но кто ожидал, что он возьмет, да лишит Линеля короны?

– Лишит короны? Своего сына? – Глаза Элисьера сверкнули из-под нависших бровей. – Как такое может быть? У короля не было других детей, даже дочерей!

– Вот то-то и оно. Таер оставил завещание. Помнишь тот ископаемый закон о престолонаследии? Так вот, он обратился к нему и назначил следующим королем... кого бы ты подумал?

– М-м... не знаю... Бастарда от какой-нибудь шлюхи?

– Бастарда? Нет, ты, друг мой, не в тот замок ключом тычешь! Чтобы Таер, да по шлюхам ходил? Ха-ха! Плохо же ты знал нашего короля! Лучше. Все гораздо интереснее!

– Ну?!

– Таер назвал приемником... Холдстейна!

Вардис не смог сдержать удивленного возгласа, впрочем, отец был изумлен не меньше.

– Моэраля?!

– Его! – Игбор рассмеялся. – Посмотрел бы ты на лица лордов-советников, проклятых выскочек! Честное слово! Никогда еще я не был так рад оказаться при дворе!

– Да клал я на их лица, – отмахнулся Элисьер. – Моэраль принял корону?

– Какое принял, – Шален вздохнул. – Его не было в столице на момент смерти Таера. Он в Вантарре, насколько мне известно. Королем провозгласили Линеля.

– Но как?! – не выдержал Вардис. – Король же четко указал в завещании...

– Молчи, когда говорят старшие! – рыкнул Элисьер. – Воля мертвого короля – не больше воли мертвого крестьянина! Таер умер, но остался Совет. А Совет рассчитывал видеть на троне Линеля.

– Все так, – подтвердил Игбор. – Но вести о завещании все равно докатятся до севера. Знаю я, знаешь ты. А ведь нас-то даже при оглашении не было.

– Значит, тех, кто знает – множество, – кивнул лорд Кантор.

– Больше, чем хотелось бы в столице. Спорю на своего коня, со дня на день Моэраль узнает о дядюшкиной воле, если уже не знает. И тогда...

Оба лорда замолчали. Каждый думал свою думу, а Вардис в нетерпении ждал. Моэраль – король! Его лучший друг – король! Канторы теперь вознесутся на немыслимую высоту...

– Если Холдстейн намеревается бороться, я его не поддержу, – наконец сказал Элисьер. – Сильвберны подмяли под себя более сотни лордов, не Моэралю тягаться с такой силой. Не хочу рисковать креслом лорда Зубца.

– Отец! Ты чего? – Вардис снова не сдержался, но ему бы-

ло плевать. Он, только что примеривший мантию лорда-советника, вновь больно опустился на жесткую землю. – Это же Моэраль! Подумай, Вантарра всегда была дружна с Кантором!

– В Вантарре с воцарения Сильвбернов сидели лорды, а не короли! – отрезал Элисьер. – Я не поддержу твоего дружка против законного короля.

– Линель не законен, завещание...

– Молчать! Большой вопрос, мог ли Таер вообще распоряжаться короной! Неужели я пойду против королевской власти из твоей прихоти?!

Вардис приумолк. Даже больной, отец оставался отцом и своеволия не терпел. Тем более в присутствии посторонних. Поэтому Вардис сдержанно кивнул и покинул отцовские покои.

Он вернулся вечером. Утомленный Элисьер дремал в кресле, накрыв медвежьей шкурой часто болевшие в последнее время ноги. Вардис отметил, как отец постарел за короткое время. словно неведомый червь грыз его изнутри, и пока ни один из приглашенных лекарей не смог справиться с этой напастью.

Но в то, что время отца скоро закончится, Вардис верить не хотел.

– Я слышу тебя, – то ли Элисьер проснулся, слышав шаги сына, то ли просто притворялся спящим. – Проходи.

Вардис хотел сесть, но передумал. Остался стоять, при-

слонившись к столу.

– Чего хочешь, сын?

– Чтобы ты подумал.

– Я понимаю, о чем ты. Я подумал.

– Ты плохо подумал. Попробуй еще раз.

Наследный лорд говорил медленно. Нужно было донести важность произносимых слов до отца. И Вардис сдерживался: говорил, будто дрова колот. С паузами. С нужными интонациями.

Слишком многое зависело от беседы сына и отца.

– Пока я жив, Канторы не пойдут против законного короля, – отрезал Элисьер.

– Канторам ни к чему идти против законного короля. Законный король – Моэраль.

Элисьер вздохнул:

– Твоя дружба с Холдстейном много значит для тебя. Но не настолько много для меня, чтобы рисковать головой.

– Отказываясь присягнуть ему одним из первых, ты делаешь большую ошибку.

– Я НЕ присягаю ему, потому что боюсь сделать ошибку.

Вардис немного помолчал.

– Отец?

– Да?

– Что говорит лекарь?

Элисьер сглотнул:

– Мне осталось немного.

– Как ты думаешь, как я поступлю, став лордом Зубца?

– Ты поступишь так, как считаешь правильным. А правильным ты считаешь поддержать Моэраля.

– И что ты думаешь по этому поводу? – спросил Вардис и напрягся в ожидании ответа.

Отец молчал недолго:

– Наверное, это покажется тебе вероломным... Но мне все равно. Я с самого детства готовил тебя к креслу лорда, ты знаешь все, что знаю я. Ты можешь ошибаться. Но Кантор ты не погубишь.

– Иными словами – ты веришь мне?

– Да, – Элисьер кивнул. – Нынешний лорд Зубца не поддерживает Холдстейна, а что сделает следующий – это дело следующего.

Вардис медленно прошелся по комнате, обдумывая сказанное. Намерения его были вероломством по отношению к семье. Но бездействие стало бы вероломством по отношению к другу. Крайне невыгодным вероломством, как полагал Вардис.

– Отец, я хочу, чтобы ты понимал – я намереваюсь поступить, как решил. Но ты... дорог мне, клянусь молоком Аэлиннэ. Твое мнение мне дорого.

– Я знаю, чего ты хочешь, – прервал сына Элисьер. – Вардис, мы очень похожи. Если я не поддержу Моэраля, ты делаешь это один?

– Да. Вещи уложены. Уеду утром. Не хочу ссориться с то-

бой перед отъездом.

– Ссоры не будет, – старый лорд взмахнул рукой. – Но и благословения моего не жди. И солдат в дорогу не дам – иначе будет выглядеть, словно я одобряю твой отъезд. И за свои поступки будешь отвечать сам.

– То есть, ты не помешаешь мне уехать? – Вардис был удивлен.

– Мешать?! Мешать взрослому мужчине принимать собственное решение? Нет, сын, все мы порой совершаем поступки, с которыми остальным остается только смириться. Так было со мной – так случается с тобой. Но знай: пока я жив, Зубец не будет порукой за твои ошибки. И еще: я не хочу, чтобы кто-то знал, что ты уехал с моего ведома. Корона – кому бы она ни досталась – может решить, что мы повели двойную игру. А это измена.

– Это не так!

– Но скажут так, как выгодно, ты ж понимаешь.

– Небольшой скандал?

– А как же, – Элисьер задорно усмехнулся, и на миг перед Вардисом мелькнул образ прежнего отца: молодого, смелого, сильного... хитрого.

– Ну, спасибо за понимание. Клянусь могилами прадедов, я буду примерным сыном во всем... кроме одного.

Наутро обитатели Кантора были поражены на редкость непривычной картиной. Молодой и старый лорды – обычно во всем единодушные – ругались.

– Немедля расседлай коня, мерзавец! – вопил по пояс высунувшийся из окна старый лорд, махая тростью, столь необходимой в последние месяцы.

– И не подумаю, батюшка! – нахально отвечивал молодой, навьючивая на задумчивого каурого Вьюнка седельные сумки.

– Вардис, я заклинаю тебя!

– Я принял решение, и даже боги не заставят меня отступиться!

За перепалкой следила Иша, злая ухмылка портила красивое, не старое еще лицо. Рядом стояли ее дети – Далай и Эрей. Лицо Далаи было безучастным, в глазах Эрея читалось нескрываемое отвращение к зарвавшемуся брату.

– Подлец решил предать короля, – сквозь зубы пробормотала Иша. – И похоронить нас вместе с собой.

– Отец не станет присягать Моэралю, даже если это делает Вардис, – заметил Эрей.

Завещание Таера уже не было секретом ни для кого в Зубце.

– Этому бастарду плевать на волю Элисьера, – Иша с силой сжала кулаки. – Я поверить не могу, что муж так слеп!

– Как ты ненавидишь его... – промолвила задумчиво Далай.

– Ненавижу? О, дочь, знала б ты, как много я готова отдать, лишь бы этот ублюдок никогда не появлялся на свет! Или в овраге свернул шею...

– Дорогая мама! – Вардис, решив, что спектакль пора заканчивать, птицей влетел в седло и отвесил Ише шуточный поклон. – Благословите в дальнюю дорогу!

– Желаю сдохнуть, предатель! – со сладкой улыбкой ответила Иша.

– Милая сестра? Быть может вы будете слегка учтивей? Далая молча отвернулась. Эрей не стал ждать, пока Вардис и его сделает участником цирка, резко развернулся и пошел прочь.

Вардис в последний раз взглянул на отца, устало приклонившегося к подоконнику. На миг жалость острой иглой кольнула прямо в сердце. Такой одинокий... такой больной... И он уезжает, оставляет его с этой сукой – Ишей. Да, она любит отца, но все же, все же...

– Одумайся, – снова сказал Элисьер, и Вардис понял: на этот раз все всерьез.

– Прости папа, – юноша покачал головой, и дал шенкелей коню.

Выюнок смерчем ринулся к воротам. За ним в поводу следовал боевой Вихрь.

Утомленный от ругани Элисьер еще несколько минут смотрел сыну вслед. Почему-то он был уверен, что видит первенца в последний раз.

Моэраль

Светло-желтый, хрусткий лист пергамента трепетал в руке. От дрожащего пламени свечи по бумаге прыгали гибкие тени. Горел камин, жара в комнате вынудила Моэралья растянуть рубашку до середины груди. А может быть, воздуха не хватало вовсе не из-за жары.

«Мой великий лорд!

Ваше Превосходительство!

Молю Вас, простите, что это письмо пришло так поздно, Вашему верному слуге нет оправдания. Я горю от стыда, понимая, что эту одновременно благую и дурную весть мог уже доставить к вам кто-то иной...

Милорд! Прежде, чем винить, поймите, столица переполнена подозрением, и я долго не мог найти благовидного предлога, дабы направить гонца на север. Ваши хитрые противники проверяют каждого, покидающего город, я боялся, что послание попадет не в те руки.

Ваше Величество! Да, именно так, Ваше Величество – ибо Вы, Вы! – наш единственный король. Наш добрый и справедливый король. Да будет Вам известно, что наш безвременно почивший господин Таер Первый Сильвберн оставил завещание, по которому нарек вас законным правителем. Ваша Милость! Копию завещания я прилагаю к письму. Противники Вашего Величества обыскали кабинет покойного Тае-

ра, но они плохо знали Его усопшую Милость, и копия уцелела. Единственная из всех.

Мой король! Воля вашего дяди была во всеуслышание оглашена немедленно после его смерти, но лорды Совета пожелали скрыть ее. Столица славит Линеля, как нового короля, и сердца Ваших подданных обливаются кровью от такого вероломного предательства. Страна ждет Ваше Величество, она не хочет видеть самозванца на троне, пусть даже и самозванца из рода Сильвбернов. Корона предназначена для Вашей головы, ни для чьей иной, и помните, буде Вы пожелаете взять эту корону, многие лорды поддержат Вас. А дабы у Вас не возникло сомнений, что пишет именно друг, вспомните Ваше Величество, Серую Лилию, и знайте, что Линелем Сильвберном убит благородный лорд Торрен.

Искренне ваш.

Х.»

Порыв ветра за окном хлопнул ставней о стену, и Моэраль вздрогнул от неожиданно резкого звука. Правая рука положила с десятков раз прочитанное письмо на стол, левая потянулась за второй бумагой.

«Я, король Таер Сильвберн, находясь в здравом уме, не уповаю более на милость Богов, не посылающих исцеления, чувствуя, что жизнь подходит к концу, и не желая оставлять королевство на волю...».

– Быть не может, – прошептал Моэраль, едва шевеля онемевшими губами. – Этого не может быть...

Он задумался, устремив взгляд к потолку.

Таер никогда не скрывал, что юный Холдстейн подменял ему сына. Разочарованный в собственном отпрыске, король невольно искал в племяннике недостающие Линелю черты. И находил.

Возможно, этому способствовал сам Моэраль. Мальчишкой оказавшись при дворе, он был восхищен его великолепием. Но не только. Он будто поднялся на новый, ранее недоступный уровень. Тут заботы о собственных землях казались незначительными, тут решались проблемы целой страны.

Моэраль восторгался Таером. Вполне сознательно копировал его манеру говорить короткими вескими фразами, одеваться просто и строго. В пору, когда при дворе модным стало носить бороды, юный лорд Холдстейн и король вдвоем щеголяли чисто выбритыми подбородками. Однажды дядя заказал придворному живописцу портрет: король сидел в кресле, племянник стоял рядом. Когда картина была готова, Моэралю стало стыдно перед собственным отцом: на портрете он словно отказался от родства, став сыном Таера.

И все же...

Подпись на завещании была дядиной, сомнений не было. Печать тоже подлинная. Зачем бы кому-то их подделывать? И упоминание о Серой Лилии... Насколько Моэралю было известно, о разговоре в Серой Лилии знало только два человека, одним из которых был он сам.

Стоит ли верить письму?

Моэраль сгреб обе бумаги и направился к матери. Был бы жив отец, все стало бы намного проще. Но он умер несколько лет назад, и единственным советчиком Моэралья в эти годы была Кадмэ. Впрочем, их отношения портились, причем, портились стремительно. Возможно, это был последний раз, когда матери было суждено узнать о делах сына.

– Почему не спишь? – удивленно спросила женщина, едва лишь Моэраль приоткрыл дверь в ее спальню. – Время позднее.

– Ты сама не спишь, – усмехнулся он.

– У меня много работы, – Кадмэ приподняла за угол вышиваемый гобелен.

– Что на этот раз?

– Утиная охота.

«У тебя на уме одни гобелены», – с внезапной неприязнью подумал Моэраль.

– Ты ко мне по делу? – казалось, от пронзительного взгляда Кадмэ не укрыться и в подвале.

На несколько мгновений Моэраль пожалел, что пришел, но было уже поздно.

– Прочти.

Кадмэ недоверчиво взяла пергамент. Моэраль долго ждал, пока мать разберет чужой витиеватый почерк. Особенно долго она рассматривала печать, поднесла к самому носу.

– Это не подделка.

– Я пришел к такому же выводу. Но все равно не верю.

– Почему? – Кадмэ подняла на сына сияющие глаза. – Ты был любимцем Таера!

– Но предпочесть племянника... да кому мы врем! Если я и прихожусь ему племянником, в лучшем случае семиюродным!

– Не семиюродным! Ты гораздо ближе ему – Бран Холдстейн недаром взял в жены Элию Сильвберн, а Элия...

– Их наследник умер, дочерей раздали замуж, – отмахнулся Моэраль. – Таер был мне дядюшкой по традиции и духу. Кровь значения не имела.

Кадмэ задумалась.

– Серая Лилия?

– Это таверна для благородных в Сильвхолле. В ней я однажды имел откровенный разговор с хорошим человеком. Так что ты думаешь о письме?

– Ты точно знаешь, кто его написал?

– Да. И в этом человеке я уверен.

– Почему он написал тебе?

Моэраль задумался.

– Мы дружили, когда я жил при дворе. Но дело не только в этом. Он предан Таеру. Возможно, просто желает исполнить его волю.

Кадмэ промолчала.

– Внизу ждет гонец. Ему нужен ответ, – напомнил Моэраль.

– И какой ответ ты намерен дать? – лицо Кадмэ свети-

лось, как бы она ни пыталась этого скрыть. Подозрительная от природы, она сразу поверила в правдивость жалкой пистульки, а вот Моэраль...

– Я буду думать. Пока не проверю, насколько написанное соответствует действительности, не приму решения.

«Ваше Величество!

Сердце мое ликует. Будь благословен день, когда Его уопшее Величество принял это решение.

Знайте, наш род всячески поддержит Вас. Однако, ежели Вы сочтете необходимым отказаться от груза короны, я просил бы Ваше Величество оставить в тайне... »

Так начиналось второе, полученное через два дня после первого, письмо. Писал лорд Сольер – один из десятка лордов-наместников севера. Впрочем, влияние Сольера ничуть не мешало ему беспокоиться о своей судьбе, буде письмо попадет в чужие руки. Или если Моэраль откажется от трона, а Сильвберн узнает о поддержке, оказанной Сольерами сопернику. Сольер уверял, что при необходимости готов предоставить Моэралю в распоряжение обоих сыновей. Но просил не распространяться о предложении, если поддержка Холдстейну не понадобится.

Очень осторожно и умно.

Однако, возможная помощь Сольеров не выглядела большим преимуществом. В последние годы их род испытывал много трудностей. Сольеры теряли деньги и людей, и вряд

ли были силой, способной оказать Моэралю настоящее содействие.

— Я король нищающих северян и верных энтузиастов, — с горькой усмешкой пробормотал Моэраль, едва закончив чтение. — Людей, которые боятся обнаружить лояльность своему правителю.

Решение так и не было принято. Гонец от западного лорда, незамысловато подписавшегося «Х.», четвертый день пьянствовал на кухне, доводя кухарку до отчаянья. Кадмэ жаловалась, но делать было нечего: таверн в Холдстейне не водилось.

Моэраль боялся.

Быть лордом — не так уж сложно, как кажется. Достаточно окружить себя верными людьми, рачительно относиться к хозяйству, да хранить верность сюзерену. Лордом-наместником уже труднее. Каждый наместник, общаясь с правителем напрямую, невольно вовлечен в политику, и в случае ошибки между ним и королем не окажется ничего, что сдержало бы монарший гнев... А быть претендентом на престол — еще сложнее. Один неверный шаг, и твоя голова послужит украшением надвратной башни собственного замка, дети лишатся титулов и наследства, подвалы будут разграблены, а поля опустошены.

И все же, когда корона сама идет в руки, мало кто откажется попытаться ее примерить...

Моэраль никогда всерьез не рассматривал возможность

стать королем. Некоторые из лордов, особенно часто бывавших при дворе – да, он сам – нет. Если бы Таер умирал бездетным, Моэраль надеялся бы стать правителем королевства, но ведь у короля был Линель...

А оказалось, родная кровь стоит так мало!

Моэраль раздраженно отбросил письмо и запустил пальцы в волосы. О, духи предков, что же делать?!

В то, что Линель добровольно уступит трон, Моэраль не верил ни секунды. С самого детства юного принца учили править, мысль, что однажды именно на его голове окажется корона, вошла в него вместе с молоком матери (хотя, Моэраль очень сомневался, что покойная королева кормила сына грудью). Значит...

– А значит, война.

Слова тяжелыми каплями упали на камни, расплескались мелкими брызгами.

Сожженные посевы, погибшие люди, неумолимая смерть в случае поражения. Это казалось и реальным, и далеким одновременно.

Он на самом деле уже знал, как поступит.

Только не желал признаться в этом даже себе.

Осень – красивое время. Багряно-алые листья, медленно кружась, падают на воду пруда, от места их соприкосновения с зеркальной гладью расходятся круги, расходятся все шире, шире, пока, наконец, не замирают. И тогда на воду опуска-

ется еще один лист. И еще. И еще...

Холдстейн – замок, по старой северной традиции получивший название от рода, основавшего его, осенью всегда выглядел особенно прекрасным. Зеленым летом, голой весной и белой зимой он казался слишком суровым. Невысокие приземистые башни из черно-серого камня, толстые стены, донжон всего в три этажа – на первый взгляд никто бы не сказал, что этот замок когда-то служил обителью будущим королям. Но стоило приглядеться, и становилось ясно: это не просто родовое гнездо древнего рода. Это дом воинов.

Холдстейн построили во времена непрекращающихся войн с Вольными Княжествами. Это обстоятельство во многом определило внешний вид замка. Хозяйственные помещения тесно лепились к жилым, образуя небольшую площадку, служившую и внутренним двором, и ристалищем для тренировок солдат. Внутри двора было целых два колодца, только один из которых имел связь с выходящим на поверхность за территорией замка ключом. Так что в случае осады можно было черпать из второго, в который вода набиралась из водоносного слоя почвы, и не бояться отравы. За первым кольцом стен располагались дома немногих ремесленников, пары купцов и слуг, не разместившихся в замке: кухарки и старшего конюха. Тут же стояли кузница, мастерские сапожника и портного, домишко повитухи, при необходимости выполнявшей обязанности лекарки, несколько амбаров – хозяйственных помещений во внутреннем дворе не

хватало для хранения запасов.

Ко второму кольцу стен примыкали казармы. Недалеко от них для женщин был разбит небольшой огород, где выращивались лекарственные травы и немногочисленные овощи для стола лорда. Третья стена отделяла замок от поля с одной стороны и от огромного сада – с другой.

В саду лет двести тому назад вместо старой, в конец развалившейся, выстроили новую часовню. Прислужники и прислужницы в ней периодически менялись – их присылал Храм, руководствуясь собственными соображениями. Чаше службы в Холдстейне проводили жрецы Тармея и Аэлиннэ – большие храмы, посвященные Богу Плодородия и Предвечной Матери, ближе всего располагались к Вантарре. Реже приезжали слуги Вудэка – храм Бога-воителя стоял в неделях пути, на Равнинном Просторе. Жрецы Иллории появлялись еще реже: раз в пару лет. Храм Покровительницы Юных предпочитал отправлять прислужниц на юг.

Жрецы Кэссопа не появлялись вовсе. Не дело служителям Бога Умерших вмешиваться в другие дела.

На краю сада, возле небольшого пруда, располагался склеп. Родовая усыпальница лордов Вантарры.

Опавшие листья – самые разные: желтые, красные, рыжие, словно лисий хвост – полностью засыпали вход. Их мягкий покров пышным ковром лежал на уходящей под ноги лестнице, упруго прогибаясь при каждом шаге. Со скрипом растворилась разошедшаяся дверь. В подземелье пахло сыростью

– влага почвы просачивалась сквозь разошедшиеся стыки камней, каплями стекая по стенам. Казалось, склеп плачет над своими обитателями.

– Здравствуй, папа, – поприветствовал Моэраль отца, проводя ладонью по саркофагу. – Я пришел кое-что рассказать.

На руке остались пыльные отпечатки, и Моэраль отер ее о край плаща. Отца не было в этом мире, но молодой Холдстейн еще не мог к этому привыкнуть и чувствовал себя смущенным, стоя перед каменной плитой, скрывавшей родного человека. Он каждый раз здоровался, говорил... и словно ждал ответа. Моэраль верил: отец все слышит.

Так было и в этот раз. Промозглый ветер влетел в склеп, прошелся по полу, сдув собравшуюся пыль, и в его шуме Моэралю послышался голос отца.

– Сы-ы-ын...

Моэраль опустился на колени перед последним пристанищем родителя. Тут не надо было медлить, ходить обходными дорогами. Как при жизни, так и после смерти с Фрайвиком Холдстейном можно было говорить напрямую.

– Таер умер и назначил меня своим наследником.

Новый порыв ветра вновь прошелестел по каменным плитам:

– Не-е-ет...

– Он это сделал. Но Линель не учел пожеланий отца ...

Ветер молчал. Безмолвствовал отец. Поэтому Моэраль

продолжил:

– Я долго думал и принял решение. Воля дяди должна быть нерушимой. Узнав о завещании отца, Линель обязан был вызвать меня в столицу, но верные люди доложили: он провозгласил себя королем. Это пахнет войной...

– Война-а-а...

Моэраль немного помолчал. Дальнейший разговор постепенно превратился в монолог.

– Я не знаю, согласен ли ты со мной. Надеюсь, будь ты в живых, ты бы меня поддержал. Это мое право. И... знаешь, ведь я могу быть лучше Линеля. Я много наблюдал за ним, когда бывал в столице. Могу с уверенностью сказать – из Линеля не получится хорошего короля. Он горд, самовлюблен. В нем напрочь отсутствуют качества, необходимые настоящему правителю. Королевству будет лучше, если исполнить волю Таера... Ведь он что-то углядел во мне, правда?

Одиноким скрюченный от холода листик с сухим шорохом прокатился от угла в угол.

– Ты думаешь, я преследую только свои цели? Нет, это не так, точнее, не совсем так... Я думаю о своей стране... О, духи предков! Линель просто обязан уступить мне корону! Он негодный король! Будь иначе, разве лишил бы его трона собственный отец?!

Ответом была тишина. Моэраль продолжал:

– Я думаю о стране. О людях, которые в ней живут. Я считаю, так будет лучше для всех...

– Война-а-а... – шепнул ветер.

– Да! – рявкнул Моэраль. – Война! Но в ней виновен Линель – не я! И это его должны винить люди за все, что случится!

– Та-а-ак ли...

– Да! Пусть его винят крестьяне, у которых заберут продовольствие для армии, пусть его винят матери, потерявшие сыновей! Это он – он – отказался выполнить волю умершего отца.

– Да-а-а?

– Ты полагаешь, если бы я был хорошим королем, то отказался б от борьбы за корону?

Ветер молчал.

Моэраль еще немного посидел у саркофага, потом вновь провел по нему ладонью, словно погладил, и направился наружу. Наверху его уже ждал сюрприз.

– Здравствуй, твое величество! – раздался насмешливый голос, и от ствола ближайшего дуба отделилась фигура. – Как поживаешь?

Солнце било Моэралю в лицо, но ему не было нужды видеть говорившего – с детства знакомый голос не спутаешь ни с чем.

– Привет, Вардис. Какими судьбами, как отец?

Моэраль с улыбкой смотрел на друга. Они не виделись полгода, но молодой Кантор не изменился. Разве что стал еще больше походить на Элисьера, которого Холдстейн по-

следний раз встретил на похоронах Фрайвика. Оба Кантора – и старый, и молодой – не отличались высоким ростом, но ширине их плеч позавидовал бы любой. Оба ходили немного враскачку, будто только что слезли с лошади или сошли с корабля. Зато когда они стояли неподвижно, мускулистые ноги напоминали стволы деревьев, корнями крепко вошедшие в землю. Основательные – вот, что можно было сказать про их фигуры. И у них были на редкость красивые лица: с прямыми носами. Точеными: так сказали бы про эти носы, принадлежи они женщинам. С четко очерченными губами: не толстыми и не тонкими. С бровями вразлет. С высокими скулами. Только лицо Вардиса, в отличие от лица отца, немного портили глаза с тяжелыми веками. Молодой Кантор смотрел на мир с ленцой, в то время как Элисьер – с интересом.

Пока Моэраль изучал Вардиса, тот – самоуверенный, чисто выбритый, со спускавшимися ниже плеч прямыми русыми волосами – приблизился к другу.

– Отец болеет, я приехал к тебе, ты сам знаешь, почему. Каюсь, я – единственный Кантор, пожелавший встать на твою сторону.

– Похоже о завещании Таера я узнал среди последних, – вздохнул Моэраль. – Что думает Элисьер?

– Элисьер боится за Зубец, – Вардис развернулся и пошел вслед за медленно направившимся к замку другом. – Он отказался поддерживать тебя, впрочем, это еще не означает, что отец поможет Линелю, и вот, я с ним не согласился и

уехал к тебе. Сам-то ты что думаешь, а, Морри? Подаришь корону Линелю и сделаешь вид, что ничего не было?

– Подавится Линель, – ответил Моэраль, и Вардис расхохотался.

Глядя на него рассмеялся и Моэраль. Пусть было страшно, пусть он чувствовал себя неуверенно в новой ипостаси, но к нему приехал друг, сторонник. Вардис не мог дать ни денег, ни армии, так необходимых для войны, но дал своему королю кое-что более важное – поддержку.

Уже позже, запершись в кабинете Моэраля с бутылкой вина, мужчины заговорили серьезно.

– У тебя много сторонников? – игнорируя кресло Вардис уселся на подоконник, поджав ноги.

– Пока только ты, – усмехнулся новоявленный король. – Правда, пришло письмо из Сольера. Льесс, я думаю, тоже напишет. Но послание весьма осторожное, мол я поддерживаю тебя, если увижу, что ты итак силен...

– Обычные штуки.

– Да. Я подумывал написать Артейну.

– Ластар за тебя в любом случае.

– Надеюсь. Я рассчитывал на твоего отца.

– Увы, – Вардис развел руками, – без обид, но боюсь, тут принципиальный вопрос. Сам понимаешь, многие спрашивают себя, мог ли Таер распорядиться престолом. Я не так хорошо разбираюсь в законах, особенно четырехсотлетней давности, но мне лично кажется, почему нет?

– Из Линеля получится поганый король.

– Наверное, ты прав. Я не был в Сильвхолле, не видел его, но помню твои рассказы. Судя по всему, он мрачный зануда. Согласись, хорошему сыну отец не отказал бы в праве наследования, взять хоть меня...

Вардис запнулся, но Моэраль понимающе кивнул. У друзей было мало секретов друг от друга, и Холдстейн прекрасно знал об обстоятельствах появления Вардиса на свет. Об этом обычно не трепались. Множество людей полагало всю эту историю просто бредом, байкой, распускаемой матерью, любящей младшего сына больше старшего, совершенно недоказуемой ерундой. Но Моэралю было известно: в отличие от большинства баек, порочащих благородные семьи, эта была правдой. Вардис был сыном Элисьера Кантора, но не имел никакого отношения к Ише. Та согласилась на обман ради мужа и горько раскаялась в содеянном, забеременев собственным ребенком спустя несколько лет после появления Вардиса. Тем не менее, несмотря на рождение законного наследника, Элисьер не спешил объявлять старшего сына бастардом. Более того, лорд ни разу не обмолвился об истинном происхождении Вардиса, продолжая придерживаться выдуманной им самим легенды... что заставляло сплетников задумываться, кто все-таки врет.

И, само-собой, именно Вардис оставался наследным лордом Зубца.

– С тобой другая история, – Моэраль махнул рукой. – А

Линеля Таер просто не любил. Он все время повторял, что мальчишка слишком много взял от матери. А мать Линеля Таер тоже не любил, так что... В общем, я не отдам недоноску корону. Если у него не хватит мозгов отказаться от нахапанного по-хорошему, придется отобрать силой. Знаешь, как я узнал о завещании?

Вардис мотнул головой.

– Мне написал один знакомый, мы с ним славно кутили, когда я жил в столице. Он теперь весьма видный человек. Но дело не в этом, главное – он большая шишка на западе и был до мозга костей верен Таеру. Думаю, именно эта верность и заставляет его поддерживать меня, помимо прочего... Так вот, он сообщил, что в случае войны западные лорды будут на моей стороне.

– Ты ему доверяешь?

– Да. Он неплохой парень, и там, на западе, свои заморочки. Он один из немногих, кто любил Таера, и на то есть свои причины. Остальные западники Сильвбернов не... Нет, пожалуй, все-таки не ненавидят, но испытывают неприязнь. Я все это понимаю, все же, не мало прожил при дворе. Этот парень прислал мне экземпляр завещания.

– Да ну! – Вардис подскочил, как укушенный. – Дай посмотреть.

Моэраль с усмешкой протянул Кантору заветный пергамент и принялся ждать, пока Вардис прочтет. Наконец, тот вернул бумагу и покачал головой:

– Ну и ну, почти слово в слово, как нам Шален передал, клянусь сиськой монашки. Говоришь, запад тебя подержит?

– Они обещают, – Моэраль нарочно сделал ударение на «обещают», – но что-то мне подсказывает, их войска не попрутся через полстраны для присоединения к моей армии. Скорее всего, под помощью подразумевается оказание содействия в УЖЕ идущей войне. Отсюда вопрос, где взять людей, чтобы развязать войну и не проиграть в первый месяц?

Вардис задумался, потом медленно проговорил:

– Когда мой отец и Шален обсуждали завещание, они упоминали недовольных лордов, которые встанут на твою сторону, если увидят выгоду. Я так понимаю, к ним уже относятся западные и некоторые из наших. Ластара Артейна вроде бы все устраивает, но он пойдет за тобой из преданности... Морри, а почему именно лорды? Ты не думал обратиться к Вольным Княжествам?

– Думал, – лицо Моэраля передернулось, словно он съел что-то кислое, – и буду обращаться. Но уже предвижу ответ. Им надо много золота, и они будут помогать мне людьми и оружием. А будут поддерживать обе стороны. Старая история. Они всегда так делают, когда собачатся приграничные лорды. Вардис, я думаю о лорде Ирвинделла.

– О Теллине?

– Ты знаешь другого Ирвинделла?

– Н-нет... Думаешь, он поможет?

– Ирвинделлы участвовали в прошлой междоусобной войне. И дрались на своей стороне.

– Против всех?

– Да, как и Сильвберны тогда. Они древних кровей, пожалуй, благородней нас с тобой. Как думаешь, нравится им сидеть в неизвестности на севере? Я помню Теллина. Когда был жив отец, мы часто бывали у него в замке – в Иэрале. Он вел себя, как король, устраивал охоты, турниры... что я тебе рассказываю, не ты ль лет восемь назад вышиб из седла Ансельма Каллье на соревновании в Иэрале?!

– Да! – Вардис расхохотался. – Совсем забыл! Помнишь его рожу?!

– «Поверить не могу, меня уделал шестнадцатилетний сопляк?» – чужим голосом передразнил Моэраль.

– Именно! Ох, забодай меня корова, я уже и забыл, давно было... Как ты-то помнишь?

– Я много чего помню, – ответил Моэраль и вмиг посерьезнел. – И вот теперь думаю... Как считаешь, поддержит меня Теллин, если пообещать ему место в королевском совете?

– Не знаю... – Вардис немного подумал. – Наверное, да, если кресло лорда-председателя...

– Нет, – твердо прервал друга Моэраль, – кресло председателя за тобой. Ты мой первый и единственный настоящий союзник, Вардис. Так что тебе и быть лордом-председателем. И главнокомандующим моих армий – тоже.

Польщенный Вардис открыл было рот, но Моэраль махнул рукой, мол, помолчи, продолжая:

– Но говорить об этом еще рано. У меня пока нет ни короны, ни армий, чтоб эту корону получить. Значит, вот что я решаю: пишу в Вольные Княжества, Артейну, в Ульрьк и Кэхольд, твоему отцу – не спорь – на всякий случай, вашим соседям Орпу. А к Ирвинделлу как к главному союзнику еду сам. Сбором войск в Вантарре, пока меня нет, займутся мать и Арна. Уж бумажки с приказами разберутся, как написать. Семь тысяч воинов они соберут. Ты со мной?

– А у тебя в этом есть сомнения? – вопросом на вопрос ответил Вардис.

Сомнений у Моэраля на самом деле не было.

Рейна

Осень заканчивалась. Была только ее середина, но на севере это время года осенью быть уже перестало. Облетели листья тополей, золото кленов каскадом обрушилось на землю и по утрам покрывалось тонкой корочкой льда. Небо стало высоким и прозрачным, а воздух морозным и колким. Скоро зима. Приближается холодное время с короткими днями и длинными мрачными ночами, когда вечерами хорошо сидеть у камина и прясть, слушая, как мурлыкает у ног приبلудная кошка, а за окном завывает выюга, злясь на тепло человеческих жилищ. Зима. Время для отдыха. Время для мыслей.

Но не для всех. Во дворе лязгало оружие, ржали возбужденные кони. Людям не было дела ни до осени, ни до зимы.

Многие служанки жаловались на хамоватых вояк, но Рейне набившиеся в замок мужчины ничуть не мешали. Их взгляды равнодушно скользили по закутанной в меха фигурке и устремлялись дальше. Разгоряченных в предвкушении резни и смерти, их больше волновали дешевые шляхи, чем высокородные леди. Тем более такие, как она.

Женщины вели себя иначе. Леди Кадмэ, когда Рейна торопливо прошла мимо, подняла взгляд от тюков, укладываемых служанкой, и Рейну словно окатило ледяной водой. Столько презрения, столько ненависти... Рейна отвернулась

и торопливо скользнула за калитку в сад. В данный момент ее больше тревожило пристальное внимание леди, чем неприязнь.

Замерзшие листья звонко хрустели под ногами, их уныло обвисшие собраты без движения торчали на полу оголившихся ветвях. В прозрачном до рези в глазах воздухе темные деревья казались иллюстрациями к сказке.

Рейна неосознанно ускорила шаг. Пар от дыхания облачком вился у лица и оседал на густом волчьем мехе накидки, на черных как смоль волосах девушки. Впереди замаячила калитка, и заиндевевший лес вставал за ней. Рейна бросилась бежать.

Он уже заждался ее – шерсть небрежно наброшенной на плечи шкуры успела смерзнуться в сосульки, словно мороз в этом зачарованном лесу был в разы сильнее мороза в замке. Не говоря ни слова, Рейна бросилась ему на шею, и спрятала лицо у него на груди.

Моэраль молча сгреб девушку в охапку и принялся укачивать, как ребенка. Через плотный мех он чувствовал, как Рейну бьет дрожь, и понимал – вовсе не холод тому виной.

Наконец, она подняла лицо с огромными потемневшими от избытка чувств глазами, и он приник к ее губам, поражаясь, как жил без этого все долгие часы, что они не виделись.

Эти встречи тайком, урывками, вдали от вездесущей челяди и еще более вездесущей Кадмэ порядком утомляли, с другой стороны, делая любимую женщину еще желанней.

Каждый раз, держа ее в объятиях, он удивлялся силе своего влечения.

Они оба помнили их первую встречу, словно она состоялась вчера. Им нравилось обсуждать их знакомство, возвращаться к нему вновь и вновь. Обычно лукаво сверкая глазами Рейна спрашивала: «А что ты подумал, увидев меня в первый раз?», и он неизменно отвечал: «Я сразу решил, что боги создали тебя для меня».

Рейна хихикала. Несмотря ни на что, она отказывалась верить в честность ответа Моэрала.

Кем она была тогда, восемь лет назад? Худышкой, жалкой соплюхой, взятой из родного дома едва ли не в королевский дворец, которым ей всегда казался Холдстейн. А кем был он? Пятнадцатилетним парнем, черноволосым синеглазым красавцем, на которого заглядывались женщины. Но нельзя отрицать, что в тот миг, когда он помогал ей открыть сундук с вещами, и их руки соприкоснулись, что-то произошло. «Укол судьбы» – часто говорил Моэрал.

Потом он уехал на долгие три года. Вернулся уже не юношей – мужчиной, опытным, много чего попробовавшим. Вернулся, и вновь встретился взглядом, но уже не с ребенком – с двенадцатилетней девушкой.

Поездки в Сильвхолл повторялись. Между Рейной Артейн и Моэралем Холдстейном было мало встреч, и еще меньше разговоров. Но оба жили предчувствием чего-то, что ждало впереди.

А потом умер Фрайвик Холдстейн, отец Моэрала и единственный человек, по-доброму относившийся к Рейне. Тогда Моэраль вернулся в Вантарру и сел в кресло лорда-наместника. Слуги говорили – теперь-то он женится. А пятнадцатилетней Рейне так не хотелось в это верить...

Все решилось в этом самом саду такой же золото-багряной холодной осенью. Рейна в задумчивости бродила среди деревьев, касаясь ладонями ледяной коры, разбрасывая вокруг опавшие листья. Бродила, стремясь слиться с природой, когда внезапно ощутила на себе чей-то взгляд.

Моэраль следил за ней, привалясь к стволу облетевшего тополя, и как в первый раз поражался чистоте ее профиля, гибкости стана, завораживающему блеску летящих по ветру волос. Словно юный лесной дух, а не девушка из плоти и крови, резвился в саду.

Спустя две недели он впервые поцеловал ее в том же саду. Он сделал бы это раньше, но останавливал испуг на дне огромных серых глаз. Рейна просто не могла поверить, что всерьез заинтересовала его.

Они тщательно скрывали отношения. Лишь однажды Моэраль с присущей ему твердостью сказал о свадьбе, как деле решенном, и больше этот разговор не поднимался. Они не шли дальше поцелуев украдкой в темных уголках замка, да сладостных, более долгих – в ставшем местом постоянных встреч саду. Впрочем, это не означало, что обоим не хотелось большего. Порой Рейна пугалась страсти своего избран-

ника, уже несколько раз ей приходилось плавиться, как воск, когда его ладони проникали то в вырез платья, то под юбку. Рейна не раз уже была готова отдаться чужой воле, забыть про последствия и сломать последнюю преграду своей любви. Но Моэраль неизменно отстранялся.

Еще дважды молодой лорд уезжал в Сильвхолл. Король, привязавшийся к племяннику, желал видеть его при себе, и эти месяцы, омраченные отсутствием любимого, были самыми тяжелыми для Рейны. Она не жаловалась, но жизнь в Вантарре становилась невыносимой. Кадмэ, считавшая Рейну никчемной прихлебательницей, с чуткостью материнского сердца понимавшая отношение к девушке своего сына, делала все возможное, чтобы Рейна пожалела о появлении на свет.

Рейна с тоской думала, что именно эта неприязнь стала причиной охлаждения отношений сына и матери. Видят боги, девушка никогда не жаловалась Моэралу. Но он знал обо всем и без нее. От лорда сложно было скрыть творящиеся в замке безобразия.

Вот и теперь, прервав затянувшийся поцелуй, он с усмешкой спросил:

– Нервничаешь? Боишься Кадмэ?

Рейна на секунду прислушалась к себе и мотнула головой.

– Нет. Твоя мать – это твоя мать, и я принимаю ее такой, какая она есть. Просто не хочу, чтобы ты снова уезжал. Сам подумай, недавно вернулся из Сильвхолла, и теперь вновь

оставишь меня.

– Теперь все по-другому, – Моэраль помрачнел, стиснул ее руку в ладони, и они бок о бок пошли по тропинке прочь от замка. – Ты же знаешь о воле Таера?

– Да. Скажи, ты ведь... горюешь о нем?

– Очень сильно. Было большее, когда умер отец. Но сейчас тоже больно. Просто... понимаешь, столько всего случилось. Я поневоле отвлекаюсь от своих чувств. Я ведь не ждал такого, Рей. Если все у Ирвинделла сложится удачно, я стану королем.

Рейна с сомнением покачала головой:

– Ты сильно рискуешь. Тебе будет противостоять весь юг, весь запад и восток. Может быть, не все северяне последуют за тобой. Нет, ты не подумай, я понимаю, что иначе нельзя, но, Морри, разве нет иного выхода, кроме войны?

Моэраль остановился, ласково провел пальцами по щеке Рейны, на миг задержавшись на подбородке.

– Нет иного выхода, Рей, нет. Зато только вдумайся: ты будешь королевой!

Рейна горько усмехнулась:

– Пусть посмеются надо мной, мне не нужна корона. Мне нужен ты – живой и здоровый.

Моэраль шаловливо улыбнулся и склонился к Рейне, ловя ее губы. Но Рейна отстранилась.

– Морри! Не отвлекай меня! Слушай, – она отошла, приникла лбом к теряющему листву ясеню, и до Моэраля донес-

ся ее тихий, вдруг осипший голос. – Я боюсь за тебя. Боюсь ночью и днем. Я знаю, что это неизбежно, но ни на миг не хочу тебя отпускать.

Мужчина подошел к Рейне сзади и крепко обнял.

– Но это моя корона, Рей...

– Я знаю! – Рейна стремительно обернулась. – Все я знаю! Но мне дурно становится от мысли, что ты идешь на войну, где тебя могут убить. Моэраль! Я не смогу жить без тебя! Ты – моя душа, ты вся моя жизнь, ты...

Моэраль не стал ждать окончания речи. Рывком прижав к себе Рейну, он закрыл ей рот поцелуем. Кровь вскипела, заставив прижать девушку телом к дереву, целовать вновь и вновь. Он тонул в ней, как в бушующей горной реке, тонул, и не чаял выплыть.

– Моя, – шептал он, прижимая губами к белоснежной девичьей шее. – Только моя. Милая моя, любимая...

Рейна понимала – еще немного, и он вновь скажет, как хочет ее, но к чему слова, если тело красноречивей любых слов? А Моэраль шептал, осыпая ее поцелуями:

– Моя, вся моя... Ты ведь будешь моей? Ты выйдешь за меня, правда ведь? Выйдешь, как только я вернусь из Иэраля?

Рейна кивала. Сердце болело и рвалось – так тяготил страх. Ей казалось: боги и впрямь создали их друг для друга, но разве можно верить милосердию богов? Женской интуицией она ощущала что-то злое, тучей зависшее над голо-

вой, и ей хотелось намертво вцепиться в Моэралья, сделать что угодно, только удержать.

Одинокая слезинка бессилия скользнула по щеке, но тут же была подхвачена его языком.

– Не плачь, любимая, уже летом я сделаю тебя королевой... Только обещай, что будешь моей...

И снова поцелуи, на которые Рейна доверчиво отвечала, приникнув к широкой мужской груди. Ее подсознательный страх таял, смывался без остатка потоками страсти, горячее дыхание обжигало, по телу проходила сладкая яростная дрожь. Казалось, продлись подольше это мгновение, и ничего плохого уже не случится, печать ее любви защитит его от всего дурного, что может причинить зло...

Но Моэраль, издав невнятный рык, уже разжимал объятия, стремясь отстраниться, пока на то еще оставались силы... Рейна потянула его на грудь палых листьев под корнями старого ясеня.

– Возьми меня, – прошептали губы, но слова были не нужны.

Моэраль сбросил с плеч плащ и уложил Рейну сверху. Происходящее казалось странно естественным. Холодный ветер на миг коснулся оголенной груди, но тут же сменился пламенем рук, и Рейна заливисто рассмеялась, глядя в высокое осеннее небо. А потом это небо отразилось в синеве любимых глаз, и губы вновь встретились с губами, но уже как-то по-новому. Рейна даже забыла, что в первый раз во-

обще-то должно быть больно...

Уже потом, лежа в объятиях Моэраля, с восхищением смотревшего на нее, впервые перед ним обнаженную, она почувствовала смущение, а где-то в душе уже появлялось возмущение необдуманным поступком... но все это было откинуто прочь, едва лишь Моэраль произнес:

– Я люблю тебя. О, духи предков, как сильно я люблю тебя...

И, счастливо рассмеявшись, прижал ее к себе.

И этот счастливый довольный смех Рейна стремилась сохранить в своей памяти и тогда, когда вечером возвращалась в замок, и на следующий день, когда со спокойствием на лице, но бурей в душе, смотрела из окна комнаты вслед отъезжающим.

Моэраль Холдстейн отправился в Ирвинделл.

Фадрик

Многие благородные лорды любили ездить с комфортом. Уолдер Молдлейт, щадя старые кости, брал в путь две кареты: коляску², чтобы читать и работать, и удобный дормез³. Линнфред, днем любивший путешествовать верхом, ночи проводил в повозке. Даггард, стремившийся жить как рыцарь, всюду возил с собой шатер.

Фадрик же решил, что в порученном отцом деле главное – скорость исполнения. Поэтому, чтобы как можно больше времени проводить в пути, выбрал ландо⁴ с высокими колесами и приказал подготовить запасных лошадей. Теперь он очень жалел, что поступил так опрометчиво.

На третий день пути пошел сильный дождь. Проклятое ландо напрочь отсырело, превратившись по ощущениям Фадрика в небольшое болото. Поднятый верх не спасал от лившейся с небес воды. Каждая подушка, каждое покрывало источали влагу и неприятный затхлый запах. Всего этого можно было избежать, возьми Фадрик обыкновенную карету. Но он не взял, и расплачивался болью – привычным ответом суставов на сырость.

Как бы хотелось очутиться дома...

² Коляска – четырехколесный комфортный экипаж.

³ Дормез – карета для сна в пути.

⁴ Ландо – четырехколесная карета с откидным верхом.

– Дарис?

– Да, милорд? – отозвался слуга, верхом ехавший рядом.

«Я уже всем надоел своим нытьем», – мрачно подумал Фадрик.

– Долго еще?

– Совсем нет, милорд. Мы уже пересекли границу Берренхолла. Еще четыре часа, ну, может, пять, не больше, и будем у замка.

– Мы ведь едем на запад?

– На северо-запад, милорд. Говорят, дорога тут лучше.

Фадрик прекратил разговор и принялся смотреть по сторонам. Однообразие пустынных полей и редких лесов вконец обрыдло, но заниматься больше нечем – взятый в дорогу «Трактат о предвечном» Фадрик прочитал еще вчера. Сегоднешний день был посвящен скуке. Скуке и больной спине.

Фадрик с тихим кряхтеньем поерзал на сидении. Нашел, к своему удивлению, весьма удобное положение, чего до этого не получалось сделать целое утро. Мерное покачивание ландо и стук лошадиных копыт убаюкивали.

«Когда я проснусь, этот кошмар закончится», – подумал Фадрик, проваливаясь в сон.

Разбудил его запах гари. Так редко бывает, чтобы человека будил неприятный запах, но Молдлейт, видимо, спал не крепко. Ландо по-прежнему покачивалось, правда, немного замедлило ход.

– Мы приехали? Мы в Шейде? – протирая глаза, загово-

рил Фадрик, но ему никто не ответил.

Фадрик откашлялся и спросил громче:

– Мы приехали?!

– Еще нет, милорд, – немедленно ответил подъехавший Дарис. Замялся и произнес, – Тут... что-то странное...

Фадрик высунулся из-под обвисшей крыши ландо и огляделся. Вдоль дороги тянулись глубокие узкие канавы. Охранник Кобрин, ехал по краю одной из них, вглядываясь в даль. С востока дул сильный ветер, нагоняя темные тучи. Принося вонь и пепел.

– Остановите! – приказал Фадрик, прекрасно понимая, что другой на его месте проехал бы мимо.

Но он слишком хорошо знал, какой бедой может обернуться пожар. Фадрик не успокоился бы, не убедившись, что опасности нет. Может быть, сгорела единственная на поле скирда. Но что, если огонь подобрался к лесу, и нет рядом никого, чтобы его остановить?

Возница Морт выполнил приказ господина и слез с облучка, распахивая для Фадрика дверцу.

– Что такое происходит?! – удивился Фадрик, увидев выражение лица слуги: благообразное, обрамленное сединами лицо Морта безглаголиво исказилось.

– Ничего такого не происходит, ваша милость. Пожалуйста наружу, милорд, сами увидите – тут не на что смотреть.

Но Морт был не прав. Смотреть было на что.

Фадрик с трудом вылез на дорогу, да так и застыл, не в

силах ни охнуть, ни вздохнуть. Из ландо были видны Дарис, край поля за канавой, да тучи. Теперь панорама открылась во всей красе.

Посреди бескрайнего, уходящего вдаль поля стояли столбы. До черноты закопченные снизу, в сером напылении сверху, каждый возвышался посреди большого круглого пятна. Обгорелые остовы бревен подпирали эти столбы, груды хвороста и щепок засыпали землю вокруг. Гонимые ветром угли невозбранно катились по лишенной растительности почве. Чахлые кустики травки в стороне припорошил слой черной пыли.

Клочок пепла опустился Фадрику на рукав. Молдлейт попытался его смахнуть, но вместо этого лишь размазал грязь, и на голубом камзоле осталась жирная, неприятно пахнущая полоса.

– Боги вечные, что тут произошло?

– Казнь, – хрипло ответил Кобрин. – Жгли культистов. На вашем месте, милорд, я бы держался подальше от этой сажки.

Фадрик ощутил, как к горлу подкатывает ком желчи. Пустой желудок стремился вывернуться наизнанку, и неудивительно. Кусочек пепла, небрежно растертый Фадриком по одежде, когда-то был частичкой человека... при каждом вздохе они, эти люди, распавшиеся в пепел, проникали в него, в его легкие, горло, смрадным черным воздухом пачкали стенки гортани. Его тело помимо воли поглощало другого человека!

Молдлейт инстинктивно задержал дыхание. Конечно, он видел казни, но это были чистые казни, если к убийству можно применить такое слово. Людей вешали, рубили головы... Но жечь? Нет. Такая кара следовала лишь за одно преступление: поджог. Очень редкое преступление. Настолько редкое, что наказание за него не применялось в Сильвхолле уже десяток лет.

Фадрик внезапно вспомнил, что право сжигать людей имел Храм: не храмы богов, каждого в отдельности, а именно Храм – совокупность всех служителей каждого божества. Неудивительно, что он позабыл об этом: ни в королевских землях, ни в вотчине Молдлейтов культистов не было.

– Видите, сколько тут столбов? – Дарис бледный, но полный нескрываемого интереса, не отрывал взгляда от поля. – Никак не меньше десятка.

– К каждому привязывают по несколько человек, – пробормотал Морт. – Меньше дров уходит.

– Ужас...

Реплика Дариса ушла в пустоту. Возница, охранник, лорд – каждый думал о чем-то своем. Фадрик – о том, как страшно так умирать, пожираемым пламенем, а еще – о том, какие жуткие тайны успел узнать каждый из сожженных прежде, чем умереть. Морт, возможно, о том, как вредно теперь дышать отравленным гарью воздухом. Кобрин ... вероятно, как бы наконец продолжить путь.

– Ничего особенного, – через силу проговорил, наконец,

Фадрик. – В дороге. Дарис, лезь внутрь, мне надо переодеться.

Слуги засуетились, занимая места. Оказавшись в ландо, молодой лорд принялся стаскивать камзол. Оставшись в одной рубашке, он облегченно вздохнул – частица мертвеца на рукаве пугала до дрожи. Опасного мертвеца. Кто знает, что сотворил этот человек, пока милостивый Храм не прервал его злодеяний?

Ландо качнулось и тронулось. Дарис, достав из сундука новый камзол для господина – темно-синий, уселся на полу.

– Милорд, – взбудораженный юноша рвался поделиться впечатлениями. – Там деревня недалеко... Как вы думаете, жители видели... ну, все это.

– Конечно, видели, – ответил Фадрик. – Чужая смерть всегда привлекательна.

– Поверить не могу, что люди могут быть столь жестоки... Столько жертв!

– Жертв?! – поравнявшийся с ландо Кобрин цинично усмехнулся. – Жертвы – это младенцы, которых культисты режут на алтарях! А это – это были преступники.

– Но ведь они все-таки люди, – попытался возразить Дарис, но его вновь прервали, на этот раз Морт:

– Люди не поклоняются туманным тварям.

Фадрик молчал. Линнфред на его месте заткнул бы слуг, но Фадрику было интересно. К чему прерывать болтовню, если можно узнать что-то новое?

Но Дарис больше ничего не сказал, и любопытный разговор иссяк. А спустя час на горизонте показались башни Шейда.

Ворота замка были на запоре, мощная надвратная башня сурово щурила на незваных гостей узкие глаза бойниц.

– Я с вестью от Уолдера Молдлейта, из столицы! – прокричал Фадрик в пустоту, тщетно высматривая хоть кого-нибудь из стражей. – Мне нужен ваш лорд!

Ответом была тишина.

– Может, попробовать постучать? – неуверенно спросил Дарис.

– Может, и стоит, – пожал плечами Кобрин и направился к воротам. – Милорд, ветер холоден, не известно, когда нам отворят. Вам лучше оставаться в ландо.

Сначала Фадрик помотал головой. Потом, рассудив, что пешим входить в замок лорду неуместно, со вздохом кивнул. Охранник тем временем подошел к воротам, поднял меч и несколько раз гулко бухнул рукоятью в створки.

– Кому неймется? – тут же последовал ответ.

– У ворот лорд Молдлейт! – гаркнул Кобрин. – Он проделал долгий путь, и мы требуем открыть ворота!

– Требуете? – над зубцом башни показалось бледное узкое лицо, обрамленное светлыми седеющими волосами. – В моем замке у меня требовать бессмысленно, пожелай я, и ваш лорд пустит корни у ворот!

– Я Фадрик Молдлейт! – закричал, высунувшись из ландо,

Фадрик. – Я из столицы с поручением от отца!

– А-а! – потянул лорд Шейд. – А я-то уж решил, ко мне сам Уолдер пожаловал. У Молдлейта три сына, ты из умных или из храбрых?

Фадрик готовился к беседе, предупрежденный о крутом характере Орилла Шейда, и на провокацию отвечать не стал. Впрочем, все равно смысла в ответе не было – слова потонули бы в скрипе поехавших в стороны створок.

Лошади ступили в узкий внутренний дворик, отделенный от настоящего двора, где стоял старый, выдавший виды донжон, еще одной стеной, лишь немного уступавшей наружной.

– Нравится моя крепость? – поинтересовался лорд Шейд, спускаясь с башни и подходя к дверце ландо, которую уже отворил для своего господина услужливый Дарис.

– Она подавляет своим величием, – вежливо ответил Фадрик, осторожно ставя ногу на первую ступеньку.

– О! Я вижу, ко мне пожаловал умный Молдлейт! – лорд Шейд расплылся в улыбке, демонстрируя плохие зубы, и протянул гостю руку. – Рад тебя видеть, Фадрик, а то я что-то не шибко разобрал, чьи там вопли под стеной.

– Если б мои люди знали, что на стене сам лорд-наместник, они бы так не орали, – отшутился Фадрик.

– Мне доложили о подъехавшей карете. Скучно, вот я и решил сам проверить, что за гости ко мне пожаловали. Признаться, я надеялся, что Молдлейт, вопящий у ворот – твой папаша, хотел его слегка промурыжить... Ну, в следующий

раз. Идем, я вижу, ты устал.

– Путешествия всегда давались мне тяжело, – вздохнул Фадрик.

– Да, задница болит от долгого сидения, – сочувственно отозвался Орилл.

Фадрик промолчал, ограничившись кивком. Крепкий как камень Шейд вряд ли оценит его жалобы на начинающуюся лихорадку. Но Орилл решил, что все понятно без слов, и покровительственно положил короткопалую ладонь на плечо Фадрика:

– Ничего, мальчик. Ты заслужил отдых – неделя в пути, с твоим-то здоровьем... Надеюсь, у отца была веская причина прислать именно тебя, а не одного из твоих братцев-оболтусов.

Спустя час Фадрик отогрелся в тепле. В желудке плескался наваристый бульон, в резном деревянном кубке, о который так приятно было греть руки, исходило паром вино, щедро сдобренное травами. В жарко натопленной небольшой гостиной, обставленной благородным лордом в подражание богатеям столицы, кроме двух беседующих мужчин не было никого.

Лорд Шейд сидел напротив гостя, обдумывая принесенную весть.

– Твой отец, говоришь, сам оглашал завещание? – спросил он наконец.

– Да. Я выучил текст наизусть, а моей памяти можно до-

верить. Король действительно назначил другого наследника, вместо Линеля.

– Ты принес мне поганую весть...

– Я бы принес хорошую, если б мог.

– Если б мог... А что Линель?

Фадрик поморщился:

– Я не знаю, не был удостоен беседы с королем. Все со слов отца. Он говорит, его величество намерен воевать, если до этого дойдет.

– А дойдет?

Фадрик немного подумал. Ему вспомнился разговор с отцом, слова брата, с такой страстью сказанные тогда...

– Я сам не знаю, – неуверенно начал он. – Большинство думает, что да, Холдстейна считают упорным и самоуверенным... Но ввергнуть страну в войну... Не знаю. С одной стороны, север всегда был верен Сильвбернам, несмотря на все свои особенности, с другой – ну кто откажется от короны, когда она сама идет в руки? Кроме того, ведь он может посчитать, что обязан выполнить волю дяди...

– Дяди, – Орилл усмехнулся. – Таер Моэралу такой же дядя, как я – тебе. Через три... – лорд ввернул грубое слово, – колено.

– Но его величество любил Моэрала, – заметил Фадрик, сделав вид, что площадная брань его не покорила.

– Ага. И ставил выше собственного сына... То, что ты мне рассказал, плохо, очень плохо для нас. Твой отец прав –

это будет война не только за престол, но и за влияние. Если не решить вопрос полюбовно, против нас поднимутся Артейны, Кэхольд, Ульрьк... Ирвинделл только и ждет, как бы вновь влезть в политику. И про Канторов не надо забывать. У Элисьера есть голова на плечах, но кто может поручиться за его верность, если Холдстейн предложит место в Королевском совете?

– Иными словами: против нас весь север?

– Весь – не весь, но пара-тройка лордов точно. А остальные? Почему все полагают, что влияние лорда Вантарры заканчивается у берегов Муора? У нас, на западе, я знаю как минимум нескольких, кто качнется в сторону Моэраля, если углядит в этом выгоду. Чуть меньше осторожности, и Линель рискует оказаться в кольце предателей.

– Разве все так страшно?

– Ну, как тебе сказать. Вот, для примера, мой сосед, Эмори Лотар. Не самый крупный из лордов, не наместник даже, а так, один из вассалов Кольби. Но гонору! Его самомнения хватило бы на весь Королевский совет! Ты представляешь, на что готов пойти этот человек, если предложить его землям самостоятельность? Стать лордом-наместником! Да он и мать родную продаст.

– А у него большое войско? – заинтересовался Фадрик.

– Нет, небольшое... Но воины экипированы как положено, каждый хорошо владеет оружием. Рыцари – так и вовсе элита... Э-э, парень, я вижу, ты как лиса замышковал! Ду-

маешь нанести визит?

– Почему бы и нет?

– Смотри сам. Я с Эмори в плохих отношениях – наши крестьяне подрались из-за пограничного пастбища, до смертоубийства дошло, так что в этих делах я тебе не помощник.

– Ну, я попробую. Попытка – не пытка, хотя бы выясню его отношение к новому королю. Но вы, Орилл? Вы сами готовы собрать войска?

Лорд Шейд лишь слабо улыбнулся:

– Разве есть выход? Да, Фадрик, передай отцу, что к зиме под мою руку соберутся все вассалы. В наших землях сейчас беспокойно, но я уж постараюсь разобраться со своими проблемами.

– Беспокойно? Знаете, – Фадрик невольно понизил голос. – По дороге к вам мы видели весьма неприятное зрелище.

– Вы ехали с юга на северо-запад? Тогда я знаю, о чем ты. Да, парень, к сожалению, в моих владениях сейчас наводит порядок Храм.

– Значит, действительно жгли культистов?

– Их, проклятых тварей! Такой позор, прямо у меня под боком, целое гнездо этих змей! А ведь многие еще и расползлись! – Орилл немного промолчал и продолжил, уже спокойнее. – Этим летом на наших полях стало на редкость туманно. А лето сухое, жаркое, сам знаешь. Потом... даже не знаю, как объяснить... В общем, видели кого-то в этом тумане. А

следом из деревенок стали люди пропадать. Народ – кто в часовни, кто – ко мне. Стали разбираться. В общем... эти пришли. Поганые культисты приманили, видимо. Человеческие жертвоприношения и так далее. Ну, культистов на костер... А туманы остались...

Фадрик почувствовал, как между лопатками заползали холодные мурашки, а лорд все продолжал, понижая голос:

– Туманы остались, а в них – монстры. Люди утром и вечером боятся выходить из домов. Говорят, выйдешь за ворота, и поминай как звали. Видимо, не всех еще слуг мрака сжег Храм, есть еще твари в человеческом облики, что приманивают детей Неназываемого...

Шепот Орилла сошел на нет. Фадрик громко сглотнул, вдруг поняв, что за все время монолога Шейда не сделал ни одного вдоха. В памяти, из самых потаенных глубин всплывало: «Они приходили в тумане... гроулями называли этих страшных существ, и пищей их была человеческая плоть...»

– Пожалуй, хватит на сегодня страшных историй, – нарочито бодро сказал лорд-наместник. – Иди-ка спать, Фадрик, силы тебе завтра понадобятся.

Наутро Фадрик не оставил идеи посетить Эмори Лотара. Шейд не отговаривал – понимал, что Молдлейтам совсем ни к чему вмешиваться в его счеты с соседом. Даже дал карету взамен промокшего ландо. Впрочем, и взгляда на Фадрикову затею лорд не скрывал.

– Не думаю, что у тебя что-то получится, – честно сказал

он наблюдавшему за упряжкой коней юноше. — Эмори взбалмошный тип, уговоров не понимает, только приказы. Боюсь, даже Кольби больших трудов будет стоить заставить такого вассала дать войска для короля. Было бы лучше, если б сам Линель направил ему гонца.

— К чему, если я все равно здесь? — спросил Фадрик, прищурившись глядя на солнце, уже поднявшееся высоко над головой. — От столицы досюда неблизкий путь. Да и не снизойдет Сильвберн до чьего-то вассала.

— С твоей рачительность давно пора быть в Совете, — съязвил Шейд, а после добавил. — У тебя хоть какая-то должность при дворе имеется?

— Отец нас всех держит при себе помощниками. Денег это, правда, не приносит...

Шейд вздохнул и покачал головой:

— Иметь при себе толковых детей порой выгодней... Жаль, очень жаль, что у меня самого нет сыновей. Подумать только, три брака, и одни девчонки... Помнишь Элию, Фадрик?

Фадрик честно напряг память, но, видимо образ Элии Шейд был настолько безнадежно потерян в ней, что любые раскопки становились бесполезными. Поэтому Молдлейт отрицательно покачал головой.

— Жаль... Твой отец хотел женить на ней Линнфреда, да моя девка засвоевольничала. Живет теперь с мелким лорденком, моим собственным вассалом. Любовь, говорит...

Фадрик подумал, что на месте девушки, пожалуй, тоже

предпочел бы Линнфреду кого-то другого, но вслух, разумеется, ничего не сказал. Впрочем, разговоры пора было прекращать – Морт закончил с упряжкой, и теперь вся четверка лошадей нетерпеливо пританцовывала у ворот.

– Ну, ни пуха ни пера тебе, мальчик, – Шейд снова крепко хлопнул Фадрика по плечу. – Езжай осторожно, да смотри, возвращайся до темноты.

– Будет сделано, – ответил Фадрик.

Тогда он не знал, что нарушит обещание.

О том, что меж соседями плохие отношения, всегда можно определить по дорогам. Итак не шибко чистые, широкие и ухоженные, но по крайней мере вполне пригодные для поездок со стороны столицы, со стороны земель Лотара они отличались особенной запущенностью. Во всяком случае, указанная Шейдом узенькая, кривая дорожка с заросшими травой колеями, не выглядела ведущей к людскому жилищу. Сменившая ее тропинка, на указателе к которой было написано «Прямой тракт», выглядела еще хуже. Уж трактом-то это убожество назвать мог только слепой.

Фадрик ничуть не удивился тому, что через два часа езды, когда по всем расчетам они уже пересекли границу земель Шейда, у кареты сломалась ось.

– Ах поганая дорога! – ничуть не стесняясь присутствия лорда, ругался Морт, в злобном бессилии глядя на здоровенную выбоину, из которой сиротливо торчало чудом уце-

левшее колесо. — Будь прокляты хозяева этих мест! Счастье еще, что лошади не поломали ноги на ихних гребучих колдобинах!

Лошади, будто понимая речи возницы, согласно встряхивали гривами.

Бурное словоизвержение Морта не оставило равнодушным и Кобрину. Мрачно взглянув на поломанную карету, воин достал топорик и молча направился в сторону шумевшего невдалеке леса.

Пока делали ось, пока прилаживали на место, прошел час. Фадрик с беспокойством глядел на небо. С востока напоздали сизые тучи — возможные предвестники дождя. Солнце, в момент отъезда из замка стоявшее высоко над головой, сейчас уже порядком склонилось к закату.

— Вернемся, милорд? — с надеждой заглянул в глаза Фадрика Дарис. — Сами посудите, раз все так плохо началось, неужто может лучше закончиться? Завтра ведь тоже будет день...

— Нет, — честно признаться, Фадрик и сам был того же мнения, но возвращаться в замок Шейда несолоно хлебавши стыдился. — Жаль поворачивать обратно — пути осталось не больше часа. А назад нам сегодня быть может и ехать не придется, — легкомысленно добавил он. — Каким бы сумасбродом ни был Лотар, не думаю, что откажет в крове посланцу короля.

Дарис, похоже, сомневался, но вслух ничего не сказал.

Другие тоже молчали, а напрасно: возможно, терзаемый неприятными предчувствиями Фадрик и отказался бы продолжать путь, ополчись против все слуги. Но слуги молчали, и Молдлейт остался при своем.

Несмотря на уверенность Фадрика в близости замка Лотара, шпили обители своенравного соседа Шейда показались на горизонте только через два часа. Как и в случае с лордом Шейдом, ворота были закрыты. Помня о грубости Кобрина, Фадрик отправил вперед Дариса. Однако, когда карета подъехала к окружавшему замок рву, Молдлейт с удивлением увидел слугу неуверенно топчущимся у края опущенного подвесного моста.

– В чем дело, Дарис?

– Лорд Лотар отказался впустить вас в замок, милорд. Он сказал, что посмотрит на вас и тогда решит, нужны ли ему гости.

Фадрик, не привычный к столь наглому обращению, чуть не задохнулся от возмущения:

– Ты сказал, что я приехал от лорда Молдлейта, члена королевского совета?

– Сказал, ваша милость, но он ответил, что не видит разницы в неожиданных гостях.

Фадрик изумился, несмотря на поднявшуюся в душе злость. Как смеет этот лордик, один из сотен ничтожных васалов, так относиться к нему, сыну самого лорда-председателя Совета! Впрочем, излить негодование слугам юноша не

успел – массивные ворота замка открылись.

Навстречу разозленному Молдлейту вышел плотный рыжеволосый мужчина. Никем, кроме как самим Эмори Лотаром, он быть не мог: на статус лорда указывал и богато украшенный вышивкой камзол, и дорогой меч на поясе, и осанка – Лотар держался, словно пробил головой небо. Кроме того, видимо, чтобы пришлые точно не впали в заблуждение, сухопарый подросток нес впереди лорда треугольный щит с гербом рода – ветвью можжевельника. Десяток вооруженных секирами охранников топали по бокам. Поверх кирас на каждом из них была котта – тоже с изображением можжевеловой ветви.

Сам король порой шествовал с меньшей помпезностью.

– Я слышал, у ворот меня ждет сам Молдлейт, – сказал лорд, не утруждаясь приветствиями. – Не вижу его тут.

– Молдлейт перед вами, милорд, – Фадрик выпрямился, насколько позволял горб. – Я Фадрик Молдлейт, сын Уолдера.

– Калека?! Сын Молдлейта?! – Лотар расхохотался. – У этих ворот давно не подадут милостыню, мальчик!

Кровь бросилась Фадрику в лицо, но он не зря был самым сдержанным из детей своего отца.

– Перед вами, лорд, гонец его величества. Я тут по поручению короля и прошу обходиться со мной надлежащим образом.

– Гонец короля? Да неужто? – Лотар не считал нужным

скрыть своего презрения. – И что же понадобилось от меня Сильвберну? А?

– Мне бы не хотелось говорить об этом при всех, милорд.

– Либо говоришь сейчас, либо не говоришь вообще. Я ухожу в замок и запираю ворота. Ну?

И Фадрик понял, что Шейд предупреждал его не зря. С этим типом договориться не получится. Ему надо привезти собственноручно подписанный королем указ, и ткнуть в него мордой. И везти этот указ должен не слабый парнишка вроде Фадрика, а бугай, любое неповиновение которому грозит обернуться проломленным черепом. Но сын Молдлейта не был бы сыном Молдлейта, если б отступал при первых же трудностях.

– Его величество собирает под свои знамена армию. Всем вассалам велено вооружить людей к зиме.

– И с кем же собрался воевать его величество Линель? – впервые за все время разговора в интонациях Лотара появился интерес.

– С севером. С Холдстейном.

Лорд Эмори немного помолчал, и у Фадрика мелькнули мысли про более теплое и комфортное продолжение разговора. Напрасно: лорд заговорил вновь, и все надежды слились в выгребную яму.

– Война с севером? Линель посылает мне мальчишку и велит собрать войска для междоусобной войны? Его величество говорит мне: «Эмори, мы годами плевали на тебя. Нас

не волнуют твои проблемы. Мы забирали, и будем забирать все, что понадобится. Мы не дадим ничего взамен. Мы не защитим от соседей, культистов, твоего сюзерена. Когда ты будешь нуждаться и просить, мы пройдем мимо. Так иди же, Эмори, собери своих людей и угрожь их во славу нашего величия». Так, что ли, Молдлейт?! Ты за этим приехал ко мне?

– Я приехал к вам, милорд, – тихо сказал Фадрик, – чтобы передать: в стране будет война. Все, кто верен короне, встают под ее знамена.

– А мне плевать на войну, – спокойно и как-то устало ответил Лотар. – Пока король ее официально не объявит, я и зада с кресла не подниму, слышишь, мальчик? Так и передай – Эмори Лотар ждет приказа, а просьбы его величество пускай направляет другим.

С этими словами лорд развернулся и направился к воротам. Фадрик взглянул на запад.

– Быстро в дорогу, ребята. Ночевать нам здесь не придется.

Солнце неуклонно стремилось к закату. Когда его лучи окрасили все вокруг багровым цветом, до замка лорда Шейда все еще оставалось больше часа пути. Тогда же Фадрик увидел и первые признаки надвигающегося тумана.

Лошади заволновались.

– Похоже, волков чуют, – неуверенно сказал Морт, сам понимая, что это не так.

Воздух стремительно холодел. Трава по краям дороги становилась влажной. Сырость витала в воздухе.

«Ох, не стоило мне ехать к Лотару, – с тоской думал Фадрик, глядя на кромку леса вдалеке, тонущую в сизой дымке. – И ось сломалась неспроста... О, боги предвечные, молю вас, дайте в целости вернуться!».

Боялся не только Фадрик – страх ощутимо витал в воздухе. Каждый из слуг видел обгорелые столбы, слышал истории о слугах Неназываемого. Эти байки среди взрослых принято называть детскими сказками, но каждый знал – отрицание лишь попытка оградиться от неумолимого и непостижимого, что может ждать за каждым поворотом. Сдавленно дышал Кобрин, держась поближе к карете. Морт то и дело хлестал кнутом итак быстро бежавших лошадей, шипя сквозь зубы проклятия. Дарис скакал впереди, настороженно вглядываясь в наползавший со всех сторон туман, и его спина лучше всяких слов свидетельствовала о желании наплевать на все и пришпорить коня, оставив своих спутников позади... Может, он так и поступил бы, если б не боялся оказаться в тумане в одиночестве.

Оставалось не больше получаса пути. Туман вдруг стал плотным, вязким, словно кисель. Казалось: взмахни ножом, и распадется на две половинки. Люди, проезжавшие в сизой мгле, насквозь пропитавшей влагой одежду, молчали. Бока лошадей Дариса и Кобрина едва не касались стенок кареты. Морт уже боялся понукать коней – одна неудачно подвер-

нувшаяся рытвина, и придется идти пешком.

Фадрик напряженно вглядывался в застилавший все вокруг туман. Туман, которого не должно быть, пора для которого прошла.

Туман гипнотизировал. Проникал в легкие при дыхании, окутывал голову, руки, просачивался между ногами, желая забрать с собой в неведомую страну призраков. Высоченные – в рост человека – стебли борщевика возвышались по обе стороны от дороги. Пожухлые разлапистые листья вздрагивали, роняя капли воды. Ядовитые стебли протягивали к карете увенчанные шапками семян отростки. Надвигалась мгла. Тонущие в ней заросли шелестели. То справа, то слева слышались вздохи, шепотки. А в остальном – тишина...

Фадрик засыпал. Широко открытые глаза лорда не видели ничего... хотя нет. Что-то он все-таки различал. Что-то двигалось навстречу. Большое, серое...

– Моооооорт!!! – изо всех сил заорал Фадрик.

Жалобно вскрикнула лошадь Дариса. Свистнул кнут, и сидение под Фадриком резко рвануло вперед. Топот коня Кобрин стал удаляться. Звучал он, словно копыта скакуна обмотали тряпками.

Карету замотало. Фадрик сверзился на пол и прижался к скамье. В оба окна хлестал борщевик, осыпая внутренности кареты обрывками листьев и сухими семенами. «По полю понесли, – путано подумал Фадрик. – Вот и все...»

Дверца кареты внезапно распахнулась, на колени лорду

свалился Дарис.

– Милости прошу, милорд, снаружи оставаться силы нет! Там в тумане что-то есть, за нами гонится!!!

– Как же ты так, – дрожащим голосом спросил Фадрик, – прямо с лошади сюда?

– Жить хочется, ваша милость, – ответил слуга. – Вот и поднапрягся. А вы опустили бы кувшин.

Фадрик перевел глаза на правую руку, разжал кулак.

– Я думал, это... Эти. За мной...

Дарис молчал. Как и хозяин, он с ужасом вглядывался во влажную завесу прямо за окнами кареты.

Раздался боевой клич Кобрина. И потонул будто камень в колодце. Снова стало тихо...

Времени больше не было. Оно ушло, поглощенное туманом, как и все вокруг. Не было ни людей, кроме тех, что сидели в карете, ни домов, ни деревьев. Только мокрый борщевик, то и дело сующийся в окно. Непрерывная серая мгла царила вокруг, и не было ей конца и края. И Фадрик видел – в ней, в этой нескончаемой мгле движется то, чем пугали детей по ночам. Те, имя которых произносили только шепотом. Жуткие твари, которым культисты приносили кровавые жертвы. Гроули...

Фадрик не понял, как карета оказалась во внутреннем дворе замка лорда Шейда.

Вокруг засверкали факелы, разом загомонили люди. Дарис кулем вывалился наружу, потянув за собой лорда.

На облучке сидел растрепанный Морт, все еще сжимая в кулаке кнут. Лошади дрожали, роняя пену. Глаза их выпучились, налились кровью – алая влага только что по мордам не катилась. Шагах в двух, обнимая своего скакуна, стоял Кобрин: лицо бледное, ладонь сжимает рукоять меча. Лезвия нет – обломано у основания.

Лошадь Дариса пропала.

– Парень! Эй! Фадрик! Фадрик!

Фадрик медленно перевел взгляд. Прямо перед ним стоял лорд Шейд.

– Молдлейт? Ох ты, Боги! Да на тебе лица нет!

– Мы неудачно съездили, – ответил Фадрик. – Лотар нас прогнал.

– Фадрик, какой Лотар?! Что случилось?

– Это было что-то жуткое, – спокойно ответил Фадрик и пошел в донжон, обойдя лорда Шейда, шатающегося Дариса... напроць развороченный угол кареты, с которого причудливыми лохмотьями свисал кусок шелка.

В необычайном спокойствии он вошел в зал и подошел к зеркалу. Оттуда глянуло привычное лицо. Только глаза были слишком большими и испуганными. И в волосах, до этого светло-русых, появились тонкие нити седины.

Линель

По крыше кареты барабанил дождь, почти не отвлекая, скорее помогая думать. Линель лежал на мягкой драпированной бархатом скамье, заложив руки за голову. Пальцы от нечего делать теребили упругие завитки волос. Под скамьей стояла жаровня, потрескивали угольки. Снятые сапоги из мягкой оленьей кожи валялись на полу. На сидении напротив лежал камзол, топорщась жесткой вышивкой.

Королевский эскорт лениво тащился по грязи и ухабам – обязательному приложению к любому путешествию. Сильвхолл – столица королевства – Серебряный город, вздымал шпили и башни к небу всего в трех днях пути на юг. Прозрачные воды Этеллис омывали стены, уносясь к морю уже не столь прозрачными, как были вначале. Тенистые сады и ажурные беседки, роскошные храмы во славу богов, площади, мощенные безумно дорогим камнем, как поговаривали – с прожилками серебра... Столько денег вкладывалось каждым правителем в столицу!

Забота о состоянии общих дорог возлагалась и на корону, и на лордов, по чьим землям проходили дороги. Именно эта законодательная неясность и влекла за собой проблемы. Казна демонстративно раскрывала пустые сундуки, едва лишь речь заходила о ремонте трактов, указывая на нужды Сильвхолла. Местные лорды в ответ разводили руками: мол,

есть потребности и поважнее.

Вот и тонула королевская карета в грязи при всякой поездке за город.

Линель избрал для своего первого посещения Кэшор. Как и многие западные лорды, Дунстан Кэшор не любил власть Сильвбернов, но сдержанно терпел. Что и говорить: запад кормил страну. Здесь растили зерно, разводили и продавали скот. Большинство местных лордов обладали значительными богатствами. Но настоящие благородные лорды, чьи предки наживали золото мечами, торгашей не любили. Разумеется, об уважении речи также не шло. Пожалуй, за последний десяток лет из всех западников в королевский совет смог пробиться только лорд Перрье. Да и тот был вынужден держаться тихо и скромно, когда говорили советники вроде Эррина и Молдлейта.

Но лорд Перрье был никем в сравнении с Кэшором. Мнение Кэшора в этих землях равнялось закону. Повязанные со всеми западными родами брачными союзами, Кэшоры здесь были миниатюрой Холдстейнов на севере.

Они ладили бы меж собой, а допустить такого никак нельзя.

Вот и трясся его величество на ухабах, сдавленно проклиная жадность короны и мелочность местных лордов.

Тем более, что мелочность эта совсем не обоснована.

Пожалуй, не будь Линель рожден и выращен в столице, он вспылал бы завистью к лорду Дунстану. Замок Тэрпи –

родовое гнездо Кэшоров – раскинулся сразу на трех холмах, его мощные барбаканы заставляли откинуть прочь любую мысль о штурме. Нависающие бастионы отбрасывали такие тени, что хватило бы укрыться небольшому отряду, а во рве, опоясывающем замок, утонул бы всадник... Множество каменных построек вокруг замка вопило о состоятельности их владельцев. Пожалуй, Кэшор с легкостью выставит пятьсот бойцов, а то и тысячу...

Линель обулся и надел камзол, застегнув пуговицы под самый подбородок. В этот день его величество носил свои родовые цвета: черный и серебряный. Они не очень шли Линелю: к черным глазам и черным же волосам лучше подходил темно-зеленый, в крайнем случае – вишневый. Но для Сильвберна важнее было выглядеть королем, чем выглядеть хорошо. Кроме того, как он сам себе часто напоминал, черный заставлял его фигуру смотреться тоныше и выше.

Подъемный мост опустили, лорд Кэшор стоял посреди него. Золотые волосы лорда потемнели от влаги, светло-коричневый плащ облепил высокую широкоплечую фигуру. Длиннопалые ладони расслабленно лежали на узких бедрах, опоясанных широким поясом. Изображение на пряжке – пшеничные колосья, символ Тэрпи – снова напомнили Линелю о роли западных земель.

Едва лишь карета поравнялась с ним, лорд поклонился.
– Ваше величество! Какое счастье видеть вас в моем скромном поместье!

Линель сдержался, чтобы не усмехнуться. Должно быть, Дунстан долго готовил эту фразу...

Мало кто при дворе знал, но в юности Кэшор сильно заикался. Лекари были бессильны, и бедному лорду оставалось лишь одно средство – говорить коротко и четко.

– Благодарю, Дунстан, но не надо ложной скромности, – Линель, желая продемонстрировать расположение, вышел из кареты и пошел рядом, игнорируя дождь. – Ваш замок огромен!

– Его строило несколько поколений моих предков, – Дунстан улыбнулся. – На некоторые башни хранятся разрешения, подписанные прежними королями.

Линель кивнул – лорд говорил о временах, когда разрешение на строительство или реконструкцию замка следовало получать у короля. Такие правила ввели после памятной междоусобной войны, приведшей на трон Сильвбернов. Памятуя о вероломстве подданных, огражденных от гнева короны высокими стенами, Роллан Первый Сильвберн принял мудрое решение. Впрочем, указ действовал не более полувека – длительное спокойствие в стране настроило правителей на более мирный лад, и лорды вновь принялись строиться кому как угодно. Линель мельком подумал, как бы теперь не пожалеть.

– Герольд прискакал около получаса назад, слуги уже обустроили для вас покои в северной башне, – продолжал Кэшор. – Через час я готов пригласить вас к столу.

Похоже, заикание прошло окончательно.

– Это было бы весьма уместно, – улыбнулся Линель. – Хотя ваши дороги не способствуют хорошему аппетиту.

– Д-да, дороги, – лорд усмехнулся. – Каждый год собираюсь отремонтировать, но п-приходится тратить отложенные деньги.

Не прошло. Линель с удивлением поймал себя на мысли, что очень этому рад. Приятно было знать, что у владетельного лорда имеются неприятные недостатки.

Сильвберну захотелось сказать, что в этом году золото придется потратить еще кое на что, но это был не тот разговор, который стоило вести на улице. Поэтому король просто улыбнулся, а уже через несколько минут оказался под гостеприимным кровом Тэрпи.

Шумную человеческую многоголосицу разорвал трубный рев. Загрохотали литавры, разодетый в пух и прах слуга ударил в гонг. В ушах засвербел пронзительный металлический звон.

Линель утомленно похлопал в ладоши, милостиво кивая очередному рыцарю. Конь рыцаря – изящный гнедой – нетерпеливо бил копытом. Сам рыцарь в блестящих доспехах принимал из рук оруженосца длинное копьё.

Из-за ворот, расположенных меж двух высоких трибун, выехал второй всадник. Отсалиutowал королю – Линель вяло улыбнулся – и поскакал к скамьям с дамами. Бледно-желтый

плащ развивался на ветру.

День выдался необычайно теплым. По чистому небу не ходило ни облачка, пели птицы. Если б не пожухлая трава, да желтые листья деревьев, можно было решить, что вновь вернулось лето. Три предыдущих дня, для сравнения, были не в пример хуже: хмурые, дождливые. В течение всех этих дней в замке шли балы с танцами и пышными обедами.

«Какого хрена я творю? – задавался вопросом Линель. – Близится война, нужно собирать войска, а я танцую, ем, да смотрю турнир. В своем ли я уме?!».

С самых первых минут пребывания в Тэрпи Линеля захватило буйное веселье. Кэшор, не давая королю ни секунды отдыха, все время кого-то ему представлял, куда-то ташил... развлекал, одним словом. Остановить его не имелось ни малейшей возможности. Дунстан подобно урагану подхватил Сильвберна и уволок в неведомые дали...

Линель зло сузил глаза и глянул на сидевшего рядом господина Тэрпи. Дунстан смеялся над шуткой, отпущенной женщиной, все время крутившейся рядом. Грудастая брюнетка тоже заливалась хохотом, запрокинув голову кверху. Так смеются только женщины, прекрасно осознающие свою красоту. Сегодня она носила красное, и цвет крови контрастировал с белизной кожи.

Рыцари разъехались по краям поля и по команде рванули навстречу друг другу, целя копиями. Желтый Плащ ловко ткнул противника в грудь, и Блестящие Доспехи сверзился с

седла. Широкий сапог застрял в стремях, и конь несколько шагов проволок рыцаря по песку. Затем подоспел оруженосец и освободил господина.

Зрители – лоскутное одеяло, брошенное на трибуны – кричали и улюлюкали. Одна из дам встала с места и восторженно махала победителю. Желтый Плащ победоносно вскинул к небу копье, с трудом удерживая турнирное оружие. На кончике древка развевалась лиловая лента.

– Леди Фелиция очень польщена.

– Что? – Линель не заметил, что Кэшор отвернулся от брюнетки и обращается к нему.

– Я говорю, в-ваше в-величество, что эта леди в сиреновом – Фелиция – польщена. Ее жених второй раз побеждает на турнире.

– Очень мило.

«Зачем?! – билось в голове Линеля. – Зачем со мной все это? Да что же это такое?! Как же это остановить?!».

Линель ощущал острое, все растущее неудовольствие: Кэшором и собой. Дунстан был виновен в неуместном веселье. А себя Линель винил в слабости. Он поддавался влиянию яркого и с виду добродушного лорда. Искал и не мог найти лазейку из тщательно сотканного кокона гостеприимства. Ему бы хватить со всех сил кулаком... да хоть вот по этой скамье, закричать: «Довольно!»

Но Кэшор смеялся, болтал, изредка заикаясь, и Линель не находил ни малейшего просвета в веселом трепе. Ни малей-

шего просвета, чтобы сказать веское слово...

«Да что же я за человек такой?! – с неудовольствием думал король. – Так я отсюда до зимы не уеду... И что же он тянет, мерзавец? Будто выжидает чего...»

Дунстан вновь повернулся к Сильвберну.

– Ваше величество, Мэри очень просит о милости: не станцуете ли с нею на завтрашнем балу? Дело в том, что у нее есть сестра...

Сосуд недовольства внутри Линеля переполнился. Шипя и переливаясь через край, хлынули из короля эмоции.

– Не станцую! – сказал Сильвберн. – Ни с кем ни на каком балу я танцевать не буду. Довольно балов. И турниров – довольно. Хватит, милорд. Я ехал к вам по делу, а до дела так и не дошло.

Кэшор казался смущенным.

– Просите меня, ваше величество. К-клянусь, я и в мыслях не держал обидеть вас. Напротив, д-думал лишь о вашем удовольствии.

– Удовольствий вполне достаточно, уверяю вас! Я прямо сегодня, прямо сейчас настаиваю, нет, приказываю... Да что такое! Дунстан, вы поняли меня!

Кэшор кивнул и поднялся со скамьи. Повскакивали с мест благородные лорды, освобождая проход для хозяина Тэрпи и короля.

– Распорядись об ужине, Мэри, – приказал Дунстан, и алая брюнетка кивнула. – Коней мне и его величеству!

Для серьезного разговора Дунстан проводил короля в кабинет, не роскошно, но все же дорого обставленный: массивный стол из красного дерева, резные стулья, литые золотые подсвечники, множество богато переплетенных книг в блиставших цветным стеклом шкафах... даже изящная, вся в завитушках кочерга перед камином – и та так и кричала о достатке хозяина, невольно пробуждая в Линеле зависть. Вообще в этом замке все было слишком изящным и слишком дорогим. Даже женщины – кузины и сестры лорда – выглядели дорогими. И ухоженными. Но не красивыми.

Похоже, в этом роду вся физическая красота неизменно доставалась мужчинам. В фамильной картинной галерее Линель лицезрел портреты многих представителей сильной половины Кэшоров. Высокие голубоглазые блондины с волевыми подбородками и мужественными изгибами бровей. Персонажи дамских романов. Именно таким был и собеседник Линеля.

Дунстан Кэшор вежливо пододвинул королю мягкое кресло, а сам расположился на небольшом диванчике. Он уже не выглядел человеком, балагурившим десяток минут назад. На голову выше короля, светлоглазый, светлокожий, с длинными золотистыми волосами, собранными сзади в хвост, он внезапно стал выглядеть опасным.

«Нет, – поправился Линель. – Не выглядеть. Выглядеть он старается по-прежнему. Он стал ощущаться как опасный человек».

Король насторожился. Дунстан был молод – лет двадцать шесть – двадцать семь, а умел выглядеть на двадцать. Вероятно, многие ошибались, полагая его не представляющим угрозы. Но Линель знал по личному опыту, почерпнутому из наблюдений за придворными: на самом деле мало кто из столь влиятельных лордов является тем, кем кажется.

Хозяин Тэрпи взял с небольшого столика темную бутылку и разлил в два глубоких бокала красное вино. Линелю не хотелось пить, но он взял бокал, чтобы занять руки. И тут же отхлебнул.

Вино было великолепно.

– Лорд Кэшор, – начал Линель. – Я ехал к вам по... ммм... важному делу.

– Я ожидал, что вы навестите меня, ваше величество, – Дунстан склонил голову, словно сознаваясь в тяжком грехе. – Лорд Перрье написал о последних событиях в столице.

– Неужели? – Линель демонстративно вскинул брови, и Кэшор поспешил пояснить:

– Мы с ним хорошие знакомые. А уж исходя из моего влияния на эту местность, с его стороны было бы глупо утаивать такое от меня. Я ждал п-приказа. Ваше личное прибытие в Тэрпи, ваша милость, порядком подняло мое самомнение.

«Куда уж выше», – подумал Линель, а вслух сказал:

– Значит, вам известно, что будет война?

– Война? Это логично, ваше величество, я бы сказал, даже

очевидно. Если Х-холдстейн не откажется от короны.

– Мнения Холдстейна пока никто не слышал, – сказал Линель. – Но Совет... эээ... принял решение собрать к зиме армию. Я, приехал сюда... как бы... удостовериться в вашей лояльности, милорд Дунстан.

Черные глаза короля встретились взглядом с голубыми глазами подданного.

– Я всегда буду в-верен законному королю, ваше величество.

Линель немного помолчал.

– Сколько людей вы можете призвать под свои знамена?

– Сложно сказать, – Кэшор покачал головой. – Мне давно не п-приходилось собирать ополчение. А п-постоянных войск у меня около тысячи человек.

– У вас есть время. Эээ... До зимы.

Лорд кивнул. В кабинете повисло молчание, прерываемое лишь потрескиванием дров в камине. Наконец, хозяин Тэрпи произнес:

– Если уж мы покончили с делами, в-ваше величество... в вашу честь я организовал множество увеселений...

– О, да.

– Осталось последнее, его я оставил про запас. Самое интересное.

– Ну? – несмотря желание поскорее уехать из Тэрпи, появившемся у Линеля сразу по окончании разговора, король все же ощутил интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.